

Ванин Сергей

Сдохни, но живи

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Сергей Ванин
Сдохни, но живи

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Ванин С. В.

Сдохни, но живи / С. В. Ванин — «ЛитРес: Самиздат», 2016

Действие книги происходит в наши дни в Краснограде - столице вымышленного Красноуральского края. Вновь избранный мэр города, глава полиции и горожане шокированы циничным преступлением. Изнасилована мисс «Краса Красноуралья» - порядочная девушка, дочь погибшего от рук бандитов милиционера. Насильник – один из «авторитетных» бизнесменов. Край давно изнывает под игом криминалитета, покончить с ним законными способами не получается. Глава городской полиции привлекает к делу бывшего сослуживца, ликвидатора Сашу-Пехоту. Тот действует жестко, но справедливо. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	13
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	24
Глава 7	27
Глава 8	30
Глава 9	33
Глава 10	36
Глава 11	39
Глава 12	46
Глава 13	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Глава 1

Палящее солнце турецкого курортного городка Аль-Ихмир застыло высоко в небе и изливало вниз мощные потоки зноя. Особенно жаркое в послеобеденное время, раскаленное светило, казалось, плавало причудливую тротуарную плитку набережной, по которой, несмотря на жару, двигался довольно плотный поток туристов, совершавших ежедневный шопинг в многочисленных ювелирных и вещевых лавках городка. Поток был упрямым, как свет солнечных лучей, и не иссякал никогда и не при каких обстоятельствах.

Покинув пекло пляжей, разношерстные отдыхающие азартно торговались со смуглыми вороватыми продавцами, пытаясь отстоять свои кровные доллары и евро. Дисциплинированные, но трусоватые немцы меняли припасенные для покупок деньги на местную валюту по грабительскому курсу здешних меняльных контор.

Особо ушлые отдыхающие предпочитали «эксчейнджам» турка Хакима, шикарный Мерседес которого стоял в уютном тенистом скверике рядом с большой ювелирной лавкой. Сам Хаким, толстый одышливый бородач, превратив свою машину в офис банка, менял деньги по более выгодному курсу, нежели курортные менялки. Несомненно, Хаким принадлежал к местной мафии, связываться с которой не спешили ни легальные банкиры, ни удалые полисмены, время от времени совершавшие объезд подведомственной территории на видавших виды велосипедах.

Вот и сейчас Хаким был на рабочем месте. Приоткрыв дверь авто, он принял из рук горилообразного охранника маленькую чашечку с дымящимся кофе и, закурив тонкую коричневую сигарету, выдохнул сизое облачко дыма.

Саша-Пехота, штатный киллер одной из столичных бандгрупп, отдыхавший в пятизвездочном отеле «Холледей», внимательно наблюдал за Хакимом с высоты своего пятого этажа. Попутно Саша хрумкал огромным спелым яблоком и поминутно прикладывался к высокому стакану холодного апельсинового сока. Допив его, Саша громко рыгнул и продолжил слежку. Вообще-то, все, что произойдет дальше, Саша прекрасно знал и так. Ритуал не менялся уже десять дней. Все это время Пехота отдыхал на местном курорте и от нечего делать наблюдал за Хакимом.

А что? Не все же время валяться на раскаленном песке пляжа и крутить романы с симпатичными девушками из российской глубинки, большинство из которых попало за границу впервые. Иногда можно спокойно посидеть на балконе своего шикарного люкса, который, к слову сказать, Саша занимал один. Впрочем, занимать его Пехоте оставалось совсем недолго, через час его уже ждали внизу, на первом этаже отеля. За Сашей должен был приехать трансферный сотрудник туроператора и отвезти отдохнувшего Пехоту в аэропорт. Отдых закончился, пора было отчаливать в родные пенаты. Однако хитрый Саша собирался провернуть напоследок одно небольшое дельце. Да и не дельце даже, а так, сущую безделицу, коих в своей богатой событиями жизни он провернул уже не один десяток.

Пехота вновь глянул вниз. Все правильно. Все по уму. Наблюдательный пункт на балконе номера был превосходен. Об этом бывший офицер мог судить со знанием дела. Закончив общеобразовательное училище, молодой лейтенант Саша отправился к месту службы в одну из тогдашних горячих точек. С командиром тамошнего мотострелкового подразделения у Саши отношения не сложились. Строптивому майору не понравился своенравный юнец со специфическим взглядом на современный мир, и хоть Саша оказался отличным воякой, наградные реплики и благосклонность начальства обходили его стороной. Отношения с командованием складывались далеко не лучшим образом. А один раз произошло и вовсе препоганое событие.

Майор отмечал очередной день рождения, куда были приглашены все офицеры подразделения. Выпили, закусили, командир принялся распекать нерадивого лейтенанта и прина-

родно объявил, что намерен задержать тому присвоение очередного воинского звания. Саша не сдержался и в ответ обозвал старшего по званию штабным сыкуном. Слово за слово, завязалась драка, в которой молодость, подогретая местным паленым алкоголем, одержала верх над опытом и боевыми заслугами служивого ветерана. Майор был бит самым жестоким образом и тут же сел за рапорт начальству. Умело написанная бумага поставила крест на военной карьере парня, но полученные во время службы знания все же пригодились в новой, гражданской жизни.

Вернувшись домой, Саша ступил на скользкий путь, примкнув к одной из действующих в Москве банд. В память об армейской юности, он нарек себя звучной кличкой «Пехота» и, нимало не смущаясь, принялся за дело с удвоенной энергией. Ликвидация нежелательных конкурентов – дело трудоемкое и опасное, вот поэтому Саша позволял себе частые турпоездки, способные снять с души бывшего вояки спуд усталости и подарить ему несколько дней спокойного отдыха, который и длился в настоящий момент.

Саша зевнул и вновь взглянул вниз. Не отрываясь от своего занятия, он очистил лежавший на столике банан и впился зубами в сладкую мякоть спелого плода.

Хаким меж тем допил кофе, докурил сигарету и вяло махнул рукой гориллообразному, заросшему недельной щетиной охраннику. Ступай, мол. Парень благодарно кивнул головой и двинулся в сторону «Холлидея». Саша взглянул на часы. Тоже самое сделала крутобедрая горничная Зейнап, убиравшая балкон номера-люкс на противоположном от Саши крыле. Сейчас темпераментная парочка встретится и уединится в узкой полутемной подсобке, где хранятся ведра и швабры. Тут Зейнап полноправная хозяйка, и «горилла» каждый день спешит к своей возлюбленной, оставляя Хакима одного.

Жадный турок не прекращает работы и продолжает менять валюту многочисленным туристам. Часа через два охранник должен будет вернуться и отнести выручку в банк, но через два часа ни Хакима, ни выручки уже не будет. Об этом позаботится он, Саша-Пехота. Надо же оправдать свою поездку и заодно проучить жирного турецкого пентюха.

Пора. Саша поднялся с пластикового стульчика, стоявшего на балконе, и увидел, как в машину к Хакиму юркнула худенькая, стриженная под мальчишку, проститутка с Украины. Девчонка давно и плотно сидела на наркотиках и за дозу была готова буквально на все. Этим охотно пользовался сладострастный меняла. Обычно девушка улаживала похотливого толстяка минут десять, но сегодня сеанс закончился раньше обычного. Рассерженный чем-то Хаким открыл дверцу автомобиля и, ругаясь, вытолкнул проститутку на мостовую. Короткая толстая нога в остроносом черном ботинке с силой ткнулась в худенькое личико несчастной и вновь скрылась во чреве авто. Холодные тонированные стекла Мерседеса бесстрастно отразили скрюченную от боли фигурку и разбитые в кровь губы девушки.

«К бою!» – по старой памяти скомандовал себе Пехота и, улыбнувшись своим мыслям, покинул номер, в углу которого осталась стоять дорогая кожаная сумка с пожитками средне-статистического российского туриста.

– Здравствуй, Хаким, – дружелюбно приветствовал турка Саша, оказавшись рядом с его авто, – можно баксы поменять?

– Сикоко? – вяло поинтересовался Хаким, закуривая новую сигарету.

Турок хорошо знал Сашу, не раз за время своего отпуска прибегавшего к его услугам.

– Триста, – Саша помахал перед носом менялы тремя бумажками с изображением Франклина.

– Сидан, – турок перешел на английский и сделал знак Саше садиться в автомобиль.

Пехота с деланным неудовольствием закричал, усаживаясь рядом с Хакимом.

– Дверь закрывать, – турок опять заговорил по-русски, – в авто работает кондишн. На улица жара. Я не собираюсь делать прохлада на весь побережье.

– Извини, – Саша виновато развел руками.

Хаким сосредоточенно засопел, отсчитывая мятые, засаленные бумажки, турецкие лиры. Пехота, усевшийся рядом с водительским креслом, мысленно сосчитал до десяти, дождался, когда турок повернется к нему, чтобы отдать деньги, затем точно и расчетливо ударил Хакима в кадык. Удар был метким, профессиональным. Жертва не почувствовала боли и даже не поняла, что случилось. Тихонько хрюкнув, турок откинулся на спинку кожаного сидения. Глаза его оставались открытыми, а удивленный взгляд был устремлен вверх. Саша вздохнул и четким отработанным движением скользнул рукой по векам покойника. Теперь Хаким казался спящим.

«Ну вот, еще один сгорел на работе», – подумал Саша, залезая в бардачок, куда меняла складывал деньги.

Быстро осмотрев содержимое, Саша усмехнулся. Турок вел дела толково. Евро, доллары и валюта родной страны были аккуратно разложены по пачкам, каждая из которых была перетянута тонкой цветной резинкой. Пехота забрал доллары и евро, проигнорировав турецкие лиры. Внимательно осмотревшись, он выбрал момент, когда возле машины будет малолюдно, преспокойно вышел из Мерседеса и направился к дверям отеля.

Возвратившись в номер, Саша пересчитал купюры. Что ж, совсем неплохо, три штуки евро и четыре с половиной «тонны зеленых». Положив добычу во внутренний карман пиджака, Саша посмотрел на часы. Через десять минут его будут ждать на первом этаже, возле стойки дежурного администратора. Он все рассчитал, впрочем, он поступал так всегда. Сегодняшняя акция хоть и была плевой и сработана больше от скуки, спланирована неплохо, совсем даже не плохо, простенько, но со вкусом.

Саша поднял с пола заранее уложенную дорожную сумку, вышел из номера и, насвистывая «по долинам и по взгорьям», двинулся к лифту. Низенькая полная турчанка, отвечавшая за отправку закончивших свой отдых гостей, недовольно покачала головой и постучала пальчиком по циферблату своих дешевых часиков, опаздываешь, мол! Саша в ответ щелкнул ногтем по стеклу своего Лонжина, мол, все точно, как в аптеке, и, бросив электронный ключ на стойку портье, неспешно направился на улицу, к поджидавшему его минивэну.

Отъезжающих было четверо, кроме Саши домой возвращалась супружеская пара пенсионного возраста и худосочная девица в очках. Пехота плюхнулся на свободное место и устался в окно. К Мерседесу, за рулем которого восседал мертвый Хаким, подошел толстый плешивый турист в зелено-белой майке. «Ирландец», – с ходу определил ушлый Саша. Мужчина постучал в затонированное стекло, но ему никто не ответил. Плешивый пожал плечами и пошел прочь, пряча в карман шортов так и не обменянную купюру. Саша лениво зевнул, и закрыл глаза. Через полчаса возвратится любвеобильный охранник, обнаружит мертвого Хакима, но его, Пехоты, здесь уже не будет. Он будет в аэропорту и через некоторое время забудет этот отель, Хакима и раскаленный песок местного пляжа.

Меж тем турчанка из трансферной службы сверилась со своим списком и молча кивнула водителю, разрешая тому отправляться в аэропорт. Шофер вытер огромным, как полотенце, платком круглую лысую голову и осторожно тронулся с места, внимательно посматривая по сторонам.

Через два часа Саша уже летел домой. Развалившись в кресле Боинга, он активно подмигивал молоденькой стройной стюардессе компании «Аэрофлот», мысленно сравнивая ее со знойной горничной Зейнап и с удовольствием убеждаясь, что наша, пожалуй, даст турчанке сто очков вперед.

Глава 2

Полковник полиции Илья Ильич Рассказов проснулся в дурном расположении духа. Усевшись на краю большой квадратной кровати, он оглянулся на лежавшую рядом молодую девушку лет двадцати.

Как она здесь очутилась? Где он вчера подцепил эту шлюху? Нет, так пить нельзя, возраст уже не тот, сорок шесть, это не двадцать шесть, и даже не тридцать пять, это намного больше, пора умерить свой пыл и начисто исключить из повседневной жизни необузданные оргии и пьянки, к которым Рассказов привык за последнее время.

– Ты кто? – он грубо толкнул девушку в бок.

– Оля, – она открыла глаза и в свою очередь уставилась на Илью Ильича, – а вы кто? И, вообще, где это я? Мы что, знакомы?

– Твою мать, – Рассказов встал с постели и принялся натягивать домашние треники с вытянутыми на коленках пузырями, – вот, что Оля, иди-ка ты домой. Я, честно говоря, знать тебя не знаю. Вот тебе на такси, на мороженое и еще на что хочешь.

Он полез в прикроватную тумбочку и достал оттуда несколько смятых бумажек.

– Тут триста евро. Хватит?

– М-м-м.

– Хорошо, черт с тобой, вот еще сотня.

– Спасибо, – девушка лучезарно улыбнулась, – я – Оля, студентка, в Красноградском пединституте учусь. На третьем курсе, буду учительницей младших классов. Мы, я вспомнила, вчера с вами в ночном клубе познакомились. Вспомнили меня? Мы с подружкой прямо возле танцпола тусовались...

– Клуб помню, тебя нет, – рявкнул Рассказов, закончивший, наконец, натягивать тренировочные штаны.

– Мы могли б еще встретиться, я с собой подружку бы взяла. – Оля облачилась в маленькое черное платье и вопросительно уставилась на Рассказова, – убралась бы тут у вас дома. Женской руки не чувствуется, наверное, один живете? – с жалостью добавила она.

– Не твое дело, иди отсюда, студентка! – повысил голос Илья Ильич, – шпарь на лекции, а то опоздаешь, – он взял девушку за острый локоть и препроводил к двери.

– Ну и, пожалуйста, – Оля сморщила маленький симпатичный носик, – очень нужно, я навязываться не собираюсь.

Дверь хлопнула, слышно было, как загудел лифт, увозя студентку Олю вон из элитного дома, квартира в котором была недосягаемой мечтой среднестатистического жителя столицы Красноуральского края.

Уф! Наконец-то эта девчонка убралась восвояси! Полковник глянул на часы. Половина восьмого утра. Пора собираться на службу. Рассказов прошел на кухню и достал из холодильника початую бутылку водки «Краса Красноуралья». Налив половину граненого стакана, полковник задумался и, наконец, решившись, плеснул еще. Теперь стакан был полон. Выдохнув, Илья Ильич влил в себя огненную жидкость и, не закусывая, направился в ванную. Умывшись и тщательно побрившись, Рассказов облачился в форму и вышел из квартиры.

Еще в лифте полковник выкурил первую за день сигарету, а, усевшись за руль припаркованного возле подъезда Мерседеса, закурил вторую. Теперь можно всем говорить, что на завтрак у него была «курятинка». Рассказов рассмеялся вслух старой, еще курсантской, шутке и, прибавив газ, вырулил на главный проспект города Краснограда. До здания администрации было совсем недалеко, но полковник предпочитал гнать машину на почти предельной скорости. Шарахавшиеся от него автомобили лишь добавляли Рассказову веселья. Пусть все вокруг знают, что это Его автомобиль, и пусть все остальные ведут себя соответственно!

Добравшись до высокого современного здания, выполненного из стекла и блестящих стальных конструкций, Илья Ильич остановил свой автомобиль и, щелкнув дверцей, вышел на улицу. Приятный весенний ветерок пошевелил редкие седые волосы на лысеющей голове шефа городского МВД. И Рассказову показалось вдруг, что это мама, будто в далеком детстве, гладит его по непослушным, неподвластным расческе вихрам. Илья Ильич усмехнулся своим воспоминаниям. Нет, сентиментальность не часто посещала полковника, но иногда он вспоминал свое детство, юность и то время, когда только что пришел на службу в милицию. Как давно это было...

Рассказов тяжело вздохнул и бросил взгляд на сияющее в весеннем солнце здание администрации. Высокое и кричаще современное, оно разительно отличалось от остальных зданий исторического центра столицы Красноуральского края. Словно огромный клык неведомого науке зверя смотрелось оно в окружении небольших приземистых купеческих особнячков и палат, построенных еще в семнадцатом веке. Культурный центр города, изгаженный проклятым «стеклянным зубом», как обозвали творение современных зодчих красноградцы, давно перестал быть таковым. Соседство краеведческого музея и местного драмтеатра с бетонным монстром! Что может претендовать на еще большую безвкусицу? Жаль, нынешний мэр Краснограда этого не понимает и позволяет уродовать исторический облик города аляповатыми сооружениями бизнесцентров и бездушными громадами элитных многоэтажек.

От созерцания этих новоделов настроение у Рассказова совсем испортилось. Именно на прием к мэру города Олегу Фатееву и шел сейчас Илья Ильич. Так-то Олег мужик неплохой, деятельный и не ворует, как оглашенный. К тому же бывший одноклассник Ильи Ильича. Близкими друзьями никогда не были, но в одной футбольной команде играли. Вот и сейчас, особо не дружат, но друг за дружку держатся. Фатеев после окончания местного Политеха уехал покорять Москву, а сюда в Красноград вернулся уже после покорения столицы. Сформировавшись и успешным политиком вернулся. Вернулся и вспомнил про Рассказова. Старого начальника красноградского МВД с почетом проводили на пенсию, а на его место Фатеев назначил Илью Ильича, пока ВРИО, но вскоре приставка «исполняющий обязанности» исчезнет, а на погонах Рассказова исчезнут полковничьи звезды, станет Илья Ильич генерал-майором, так-то вот!

Вот только грядущие выборы Фатееву нужно будет вновь обязательно выиграть. До них еще несколько месяцев, но ажиотаж в городе уже чувствуется. Видимо и совещание сегодняшнее посвящено этими самым выборам будет. Странно, что «военный совет в Филях» назначен на выходной день, воскресенье, но у начальства свой взгляд на жизнь. За долгие годы службы Илья Ильич привык ничему не удивляться и в точности исполнять приказы вышестоящих руководителей.

Рассказов поднялся на лифте, прошагал по непривычно тихому гулкому коридору, миновал пустовавшую в этот час приемную и вошел в огромный мэрский кабинет.

– Здравия желаю! – козырнул Рассказов.

Он остановился на пороге и оглядел длинный пустой стол для совещаний. Ни обязательных блокнотов для записей, ни авторучек, ни даже бутылочек с минеральной водой.

– Нет пока никого? – удивленный, что явился самым первым, спросил Рассказов.

– Нет, и не будет, – отрезал Фатеев, – и совещания никакого тоже не будет, – веско бросил он, – вернее, будет, но не для всех.

– Не понял.

– Вдвоем совещаться стаем. Без лишних ушей, – негромко произнес мэр, четко выговаривая слова.

Рассказов молчал. Дело запахло разносом. «Разбор полетов» обещал быть суровым, о чем свидетельствовал тихий и подчеркнuto вкрадчивый голос городского головы.

– Слушаю вас, – выдохнул Рассказов.

– Слушаешь? Это я тебя, Илья, слушаю, – мэр поднялся из-за стола и прошелся по кабинету.

Расстеленный на полу шикарный ковер глушил шаги и скрывал в высоком ворсе дорогие ботинки мэра, от чего казалось, будто Фатеев ходит по ковру босым.

– Криминальная обстановка в городе тебя устраивает? – поинтересовался Фатеев.

– Тихо вроде. Передел собственности давно закончен, – пожал плечами Илья Ильич, – вот конкурс «Краса Красноуралья» у себя принимаем, – ни к селу, ни к городу брякнул он.

– Конкурс, говоришь? – недобро усмехнулся мэр, – а ты знаешь, что организатором этого конкурса выступает бандит Ахмед Джимаев?

– Знаю, – тяжело вздохнул полковник, – Ахмед – один из самых могущественных криминальных авторитетов края. Здесь ничего не обходится без его участия. Это объективная реальность, и с этим ничего нельзя сделать.

– А Халил? А Дядя Леша? А Сеня-Большой? А Дима-Красноуральский?

– Все они бандиты, многие легализовались в бизнесменов, и все они имеют свою долю в экономике края...

– Вот оно, значит, как? – ехидно хмыкнул мэр. – Бизнесменами, стало быть, сделались. Отчего ж методы хозяйствования старые остались? Беспредел творят твои «бизнесмены», налогов в казну не платят, работяг обманывают. Халупы на дачных участках лепят, да дольщикам их под видом многоквартирных домов впаривают. Наркоту толкают, проституток из деревенских девок делают, оружием промышляют, рыжье с краевых приисков тырят. Список их «славных» дел можно продолжать до бесконечности. Что скажешь, главный мент Красноуралья? Или, ты теперь полицейским прозываешься? Как вашего брата именовать по-новому? «Понты», а?

Мэр замолчал, молчал и полковник.

– Мы бандитов ловим, – наконец, собравшись с силами, проговорил Рассказов, – но у лидеров преступного мира все по уму. Лучшие адвокаты из самой столицы защищать эту погань приезжают. Законы юристы их обходить учат. Напугать любого могут. Купить! Если нужно, любого купят.

– Так уж и любого? А кто не убоится, кто не продастся?

– Того, кто не испугается, или на бабло ихнее не польстится, враз завалят, да, так, что концов не найдешь!

Рассказов вытер рукавом кителя мокрый от пота лоб и продолжил:

– А кого мы прихватим все-таки, тех судейские за деньги, или из страха за свою шкуру отмажут и отпустят! Суд присяжных опять же, – он безнадежно махнул рукой, – тех вообще легче легкого и обмануть, и купить, и запугать до смерти.

– Что думаешь делать в сложившейся ситуации? Народ не хуже нас с тобой видит, что в городе творится. Не доволен народ нами, считает всех руководителей слабаками, трусами, тварями продажными...

Мэр смотрел на полковника, криво усмехаясь. И от этого насмешливого взгляда Рассказову стало вдруг не по себе. Он сжал кулаки и, выпрямившись, шагнул к Фатееву.

– Давай начистоту, – бросил он, резко переходя на ты – хочешь что-то сказать мне – говори! К черту эти недомолвки, мне уж под пятьдесят, стало быть, не пацан я, чтобы твои нотации выслушивать, да загадки отгадывать. Чую, предложить что-то хочешь.

– Хочу!

Ухмылка в миг сошла с губ мэра, от его ехидства не осталось и следа, он взял полковника за плечо и подвел того к длинному, как взлетная полоса местного аэропорта, столу.

– Присаживайся, Илья Ильич, – любезно пригласил мэр.

Полковник послушно опустился на предложенный стул красноградской мебельной фабрики, давно и плотно контролируемой авторитетом по кличке Дядя Леша.

– Слушаю, – буркнул Рассказов.

– С бандитизмом в нашей с тобой вотчине пора кончать, – понизив голос, произнес мэр, – и с авторитетами тоже. Я разговаривал со многими директорами предприятий, которых доят краевые мафиози. Все они обещают увеличить свои отчисления в бюджет города. Кроме того, часть средств, в разумных, конечно, пределах, будет поступать и нам с тобой лично, в виде премиальных за освобождение от ига всяких Ахмедов и ему подобных мерзавцев. Нужно лишь покончить с этими всякими Ахмедами. Тихо и быстро. Усек, Илья, о чем я тебе толкую?

– Усек, – Рассказов говорил, едва выплевывая тяжелые, словно камни, слова, – ты предлагаешь мне физически устранить уголовных лидеров?

– Именно, – не стал запыряться мэр, – мы с тобой должны стать в нашем городе единичными хозяевами и перестать делить власть с уголовным отребьем, надевшим личины бизнесменов. Устрани их к чертовой матери. Всех самых крутых и опасных. Почувствуй угрозу своей шкуре, сошка помельче сама рванет из города и края.

– Ты в своем уме? – Рассказов едва не задохнулся от захлестнувшей его волны гнева, – я – полицейский, а не киллер. Не убийца я, понял, господин Фатеев?

Илья Ильич смотрел на мэра, но не видел того. Перед глазами плыли большие расплывчатые пятна, похожие на старые цветастые одеяла, сшитые из разных лоскутков. Такие были у бабушки Тони. Во время летних каникул маленький Илюша частенько ездил к ней в аккуратный рубленый домик, расположенный в маленькой живописной деревеньке Ежи. Теперь Ежей нет, на месте деревеньки и прилегавшего к ней погоста красуется ныне фешенебельный коттеджный поселок «Дали», находящийся во владении Ахмеда, одного из самых влиятельных бандитов края.

– Я не бандит, не киллер, и я не стану убивать людей, – твердо проговорил полковник.

– Я навел справки, ты ведь в свое время воевал в горячих точках, там тебе приходилось убивать, но ты не делал из этого трагедии, – голос мэра был тихим и вкрадчивым.

– Там было другое, там шла война, – упрямо мотнул головой Рассказов, – я был бойцом, но не убийцей, – вновь повторил он.

– Тогда найди того, кто сможет сделать эту сложную работу, – продолжал настаивать Фатеев. – Есть у тебя на примете кто-нибудь из бывших сослуживцев? Обещай ему хороший гонорар. Очень хороший гонорар, – мэр понизил голос до шепота.

– Иди к черту, твой план нереален, – Рассказов резко поднялся со своего места.

– Подожди, – Фатеев нагнал его и вновь схватил полковника за плечо, – после гибели жены и дочери ты сделался совершенным психом. С тобой невозможно иметь дела. Ты пьешь, ты хамишь. Опомнись, со дня той автокатастрофы прошло уже несколько лет.

– А для меня это было будто, вчера, – Рассказов оттолкнул Фатеева в сторону.

Давняя незалеченная, так и не зарубцевавшаяся рана вновь дала о себе знать и отозвалась страшной всепоглощающей болью в голове. Полковник остановился, не в силах продолжать идти. Он взялся за край стола, да так и стоял, закрыв глаза. Побелевшие от напряжения пальцы застыли на темной полировке столешницы. Тяжелые, вязкие, как могильная глина, воспоминания нахлынули, закрутив в своем жутком водовороте Илью Ильича Рассказова..

– А что, если машина упала отнюдь не случайно?

Рассказов слышал слова мэра словно издали, сердце стучало гулко и часто. Илья Ильич почувствовал, что задыхается от навалившейся вдруг на него нестерпимой духоты, и расстегнул китель. Пот градом катился по его лицу и осаживался солоноватым привкусом на открытые, словно у выброшенной на берег рыбы, губы.

Оттолкнув тяжелый помпезный стул с высокой прямой спинкой, полковник двинулся к двери.

Жена Марина и долгожданная поздняя дочурка Сашенька погибли в далеком среднерусском городке, куда супруга полковника отправилась проведать свою родню. Таксист-частник

не справился с управлением своей выдавшей виды «шестерки», и автомобиль рухнул с моста в холодные мутные воды местной реки...

– А что, если твои близкие погибли не случайно? – повторил вопрос Фатеев.

Голос мэра заставил Рассказова сбросить с себя тяжелый спуд воспоминаний и вновь очутиться в настоящем. Серая пелена, застилавшая глаза, пропала, и Рассказов вновь увидел перед собой обитые тяжелыми дубовыми панелями стены кабинета Фатеева.

– Что ты сказал, Олег? – повернулся он к хозяину кабинета.

– Ты мыслишь вслух, Илья, – Фатеев смотрел на полковника, не мигая, – ты вспомнил о той аварии. А я усомнился в том, что автомобиль упал в реку сам, без посторонней помощи.

– Ты что-то знаешь об этом? – голос Рассказова дрогнул.

Фатеев не ответил, он медленно ходил по кабинету, скрестив руки на груди.

– Помнишь журналиста Вадима Фролова из «Корасноградской Правды»? – поинтересовался мэр.

– Помню.

Рассказов и, правда, помнил щуплого паренька в вытянутом свитере и узких протертых до дыр джинсах. Его убили два месяца назад за острые публикации в городской газете.

– Фролов нарыл что-то о катастрофе, в которой погибли твои близкие. По его мнению, в их гибели виновен кто-то из местных авторитетов. До конца обстоятельств трагедии он выяснить не успел.

– Откуда ты обо всем этом знаешь? – Илья почувствовал, как из-под ног стремительно уплывает ковер, застилавший пол мэрского кабинета.

– Журналист сам позвонил мне на «горячую линию» во время очередного общения с избирателями. Фролов опасался за свою жизнь и просил о встрече, собирался рассказать о своих материалах. Я пригласил его к себе на следующее утро, но ночью парня убили...

– Почему ты не сказал обо всем этом сразу. Почему сообщаем мне лишь сейчас?

Полковник смотрел прямо перед собой. Руки, вытянутые по швам форменных брюк, произвольно сжимались в кулаки. Он ждал ответа, но мэр не тропился отвечать.

– Ну же! – не выдержал Рассказов.

– Заметь, – наконец произнес Фатеев, многозначительно подняв вверх указательный палец, – журналист даже не пошел просить защиты в полицию. Значит, он не верил, что там смогут его защитить. Нужна ли нам такая полиция, если она не может защитить своих граждан от бандитов? Если главный полицейский не в силах разобраться с кровавыми ублюдками, кивая на несовершенство законов и судебной системы? Так нужен ли столице края такой главный полицейский? Отвечай, Илья...

– Не нужен, – Рассказов повернулся и шагнул к двери, – рапорт о своей отставке подам в понедельник, то есть завтра, – глухо проронил он.

Глава 3

– Победительницей конкурса «Краса Красноуралья» становится Елена Красикова! – торжественно объявила ведущая действа Ида Романченко.

Столичная знаменитость Ида, получившая за свое участие в шоу немалый гонорар, устала и желала лишь одного: отравиться в гостиницу и провалиться объятия Морфея. Бог сна давно уже манил красотку, но контракт требовал соблюдения некоторых формальностей. Ужин с организаторами и спонсорами конкурса, фотосессия с победительницей и обязательная прогулка по достопримечательностям Краснограда, все это требовало времени, и должно было занять еще часа три, а, может быть, и все четыре.

Ида незаметно глянула на часы. Время тянулось медленно. Вышедшая на сцену Елена Красикова получила обязательную корону и шикарную соболиную шубу, подарок от генерального спонсора конкурса, коим числился концерт «Красноуральский мех»

Сейчас владелец концерна «авторитетный» бизнесмен Ахмед Джимаев чинно восседал в персональной ложе местного драм театра и бросал плотоядные взгляды то на новоиспеченную победительницу, то на столичную знаменитость Иду. Щелкнув унизанными перстнями пальцами, он подозвал к себе вертлявого молодого человека в дорогом костюме.

– Кого из них посоветуешь? – сально улыбаясь, осведомился у вертлявого Ахмед.

– В каком смысле, господин Джимаев? – подобострастно изогнувшись, осведомился вертлявый.

– В таком смысле, какую девку мне сегодня выбрать? Свою, красноуралочку, или эту приезжую штучку? – снизошел до объяснений Ахмед.

– Ах, это? – на лице вертлявого тут же проступил испуг, – лучше, конечно, свою. С приезжей могут возникнуть проблемы. Все-таки звезда шоу-биза. Это я вам как арт-директор конкурса говорю, – потупив глаза, промямлил парень.

– Плевал я на твои проблемы! – Ахмед сжал в огромном волосатом кулаке внушительный набалдашник дорожной трости, которую для солидности всюду таскал с собой, – захочу, и обе мои будут. Сам не справлюсь, кореша помогут! Я деньги плачу, стало быть, я и порядки устанавливаю, – решительно закончил он.

– Но... – начал было, вертлявый.

– Никаких «но»! – слегка повысил голос Ахмед.

Он достал из кармана пиджака плоскую фляжку с коньяком и, сделав добрый глоток, вновь уставился на застывшего подле него вертлявого человека в дорогом костюме.

– Ты еще здесь?! Пшел вон! – рявкнул авторитет.

Немного выпив, он почувствовал, себя лучше. Поднявшаяся, было, ярость, улеглась, уступив место, умиротворению и всегдашней уверенности в себе. Все будет только так, как захочет он, Ахмед. И так будет всегда! Джимаев вновь взглянул на сцену, где происходило награждение «мисс Красноуралья».

– Поздравляю, Лена! – Ида сердечно обняла юную победительницу.

– Спасибо! Спасибо, друзья! Я так счастлива, что победила. Мама, папа, спасибо вам. Спасибо всем, кто за меня болел, – взволнованно лепетала в услужливо поданный Идой микрофон растроганная девушка.

Победительница и впрямь была чудо как хороша! Высокая, статная фигура, длинные ноги, черные, будто, смоль волосы. Дивные, глубокие, словно местные озера, глаза, полные чувственные губы. Все эти достоинства конкурсантки Ахмед заметил еще давно, когда случайно оказался на одном из кастингов конкурса. Именно тогда Джимаев и решил, что эта девчонка станет победительницей, о чем было незамедлительно сообщено «высокому жюри».

Что ж, его воля была исполнена. Елена победила, сегодня вместе с титулом она получит и его, Джимаева, расположение.

Ахмед сладострастно причмокнул губами и перевел взгляд на Иду. Столичная штучка была много старше Лены и выглядела далеко не лучшим образом. Обязательная миниюбка обтягивала тощий зад и невыгодно подчеркивала тонкие, как две палки, ножки ведущей. Старательно наложенный макияж не мог скрыть предательские морщины, а накаченные гелем губы были просто смешны.

«Вот шалашовка, – Джимаев усмехнулся в усы, – нет, эту приезжую кралю пусть пользуется кто-нибудь другой» – подумал он.

– Шапи! – кликнул Джамаев.

– Я, отец! – сидевший по правую руку от Ахмеда рослый молодец почтительно наклонился в ожидании приказа.

– Сегодня трахнешь эту москвичку, Иду Романченко. Прямо после ужина!

– Но, отец... – опешил Шапи.

– Пусть испытает на себе, что такое горячий парень. А то у них там, в шоу-бизнесе, одни пидоры масть держат, – не слушая сына, продолжал Ахмед.

Не досмотрев действие до конца, Джимаев-старший поднялся с места и покинул ложу. Вслед за ним последовали Шапи и вертлявый пижон в дорогом костюме. Шапи был спокоен, вертлявый же, напротив, вел себя нервно. Предчувствие чего-то нехорошего, мрачного нависло над концертным администратором, волею судеб переквалифицировавшегося в арт-директры ставших модными конкурсов красоты.

Изобразив на лице некое подобие улыбки, пижон забрался на сцену и торжественно объявил об окончании мероприятия. Однако народ не собирался расходиться. Многие записные тусовщики ожидали бесплатного фуршета. К праздным зевакам примкнули репортеры местной бульварной прессы и неотмеченные призами конкурсантки. Для них были накрыты столы в фойе драмтеатра.

Избранные же убыли на банкет в загородный особняк Ахмеда Джимаева. Для этой цели были задействованы несколько шикарных лимузинов с вышколенными и предупредительными шоферами.

– Вас, девушки, попрошу к нам!

К Лене и Иде шагнул уважаемый молодой человек в строгой черной паре.

– Авто хозяина к вашим услугам. – ослепительно улыбаясь, он указал рукой на роскошный черный Бентли, припаркованный в некотором отдалении от драмтеатра, откуда вальяжно выходили зрители.

– Уже идем, – Ида взяла под руку еще не пришедшую в себя от счастья Лену, и они поспешили за молодцом в черной паре.

Он же оказался шофером. Галантно распахнув дверцы перед девушками, парень юркнул за руль и тронул машину с места.

– Легкая музыка? – не поворачиваясь к сидевшим на заднем сидении гостям, парень включил встроенную стереосистему.

Салон тут же наполнили зажигательные звуки лезгинки. Ида недовольно поморщилась. Что-то шло не так, вот только что? Влиятельный Ахмед не понравился ей сразу. Слишком много о себе понимает, не в меру властен, от такого жди беды. Сразу видно, что из воров, даже не пытается скрыть свое темное прошлое, бравирует им...

– Нельзя ли потише? – обратилась Романченко к шоферу, который в такт музыке барабанил по рулю длинными в наколотых перстнях пальцами, которых Ида раньше не разглядела.

– Чего, потише? – откликнулся шофер..

– Убавьте, пожалуйста, громкость. Мы устали, – стараясь перекрыть несущиеся из динамиков звуки, приказала Ида.

Шофер нехотя повиновался

Ида взглянула на притихшую Лену Красикову. Девушка испуганно смотрела в окно на стремительно мелькавшие вдоль дороги сельские домики.

– Куда это мы едем? – осведомилась Ида.

– В загородный дом хозяина. Там будет банкет, – сально усмехнулся шофер.

– По программе банкет должен был состояться там же, в драм театре, или в расположенном рядом с театром ресторане. Про ужин в загородном доме разговора не было. Остановите, машину! Я выйду! – Ида тронула за рукав Лену, – ты со мной, или как? – поинтересовалась Романченко.

– Конечно, с вами, то есть, с тобой, – тут же откликнулась Елена.

– Прекрасно! – Ида старалась, чтобы ее голос не дрожал, – мы выходим! – она тронула шофера за плечо.

Однако парень и не думал останавливаться, напротив, он еще больше увеличил скорость. Теперь машина летела вперед, словно выпущенная из лука стрела.

– Что вы себе позволяете?! Я – звезда! У меня влиятельные друзья! Вы не представляете, с кем связались! – выкрикнула Ида.

Лишь теперь она поняла, что «вляпалась» по самые серьги. Кто-то из ушлых репортеров предупреждал Романченко, что поездка в Красноград – криминальную столицу России, может окончиться для нее очень плохо. Но алчная Ида послала доброхота подальше, сумма предложенного гонорара заставила замолчать тоненький голосок здравого смысла, который твердил ей то же самое, что говорил газетчик.

Влиятельный бизнесмен Ахмед Джимаев походил на человека, для которого запретов не существует. Чуждый условностей сын гор привык получать все, что хотел. И хорошо, если эта поездка закончится лишь банальным изнасилованием...

– Стойте же! – Ида рванула дверцу, но та оказалась заблокирована.

– Да приехали уже! – насмешливо бросил утративший вдруг галантность шофер.

Действительно, машина остановилась возле небольшого охотничьего домика. В отдалении переливался огнями огромный, похожий на средневековый замок особняк. Оттуда слышался громкий смех и заезженный мотив разудалой песни. Краевой бомонд основательно принял на грудь и принялся слушать какого-то столичного менестреля.

Иду и Лену туда не повели. Для них была подготовлена совсем другая программа.

Ахмед Джимаев восседал в легком плетеном кресле возле охотничьего домика. Едва завидев автомобиль, хозяин загородного имения оставил свое место, приветливо махнул рукой и поспешил навстречу вновь прибывшим.

– Милости прошу, очаровательные дамы. Извольте отужинать со мной, чем Бог послал.

Ахмед взял девушек под руки и повел к уютному, сложенному из тронутых мхом камней домику. Ида мельком взглянула на камни. Каждый из таких аккуратных, искусственно составленных торов стоил целое состояние и специально выписывался из-за кордона. Она видела подобное строение на участке одного влиятельного банкира, когда вела там празднование дня рождения супруги этого финансового воротилы. Ну и народу же на той гулянке было! Не то, что здесь.

Ида уселась за искусно сервированный стол, рядом с ней пристроился шофер, что вез их с Леной на ужин.

– Меня Шапи зовут, – бросил он, открывая бутылку коньяка, – выпьем по одной, а, красавица?

Глаза молодого кавказца оценивающе скользнули по фигуре Иды и остановились на недавно увеличенной в дорожке заграничной клинике груди.

– Где Лена? Где все остальные гости? Где сам господин Джимаев, наконец? Почему мы здесь одни?!

– Они ушли.

– Куда же?

Шапи молчал.

– Немедленно везите меня в город. Слышите, как вас там?

Ида вновь повернулась к шоферу, но тот лишь усмехнулся.

– Меня зовут Шапи. Если ты плохо слышишь, могу повторить еще раз...

Кавказец медленно выпил свою рюмку коньяку, аккуратно сдвинул в сторону явно антикварные столовые приборы и вдруг схватил Иду за талию.

– Теперь ты моя, красавица, – вкрадчиво произнес он.

Девушка вмиг оказалась лежащей на столе. Сильно болела спина. Шапи оказался настоящим садистом, дерзким, наглым и сильным. Широко раздвинув ноги жертвы, молодчик делал свое дело грубо и по-хозяйски основательно. Время от времени он останавливался и принимался хлестать Иду по щекам. Пару раз насильник хватал девушку за грудь и сильно дергал за соски.

– Нравится, а, сучка? – в возбуждении кричал он.

Ида плакала от боли и унижения, но слезы лишь распаляли насильника. Никогда ее не пользовали столь грубо. Девушка почувствовала, как к горлу подкатывается твердый, словно камень, комок. Задышавшись от омерзения, она закрыла глаза, но Шапи заметив, это пришел в еще большую ярость.

– Недовольна, тварь?!

Он схватил Иду за волосы и сбросил со стола на мягкий ручной работы ковер, которым был устлан пол. Девушка упала, ее вырвало. Шапи тут же утратил боевой дух. Так и не закончив начатого, он отпихнул Иду ногой.

– Пошла прочь, шлюха!

Перекошенное от злости лицо молодчика приблизилось. Глаза насильника горели. Широкие ноздри раздувались, ощерившись короткими жесткими волосками. Перегар от выпитого коньяка смешался с резким тошнотворным запахом пота.

– Не умеешь ублажить мужчину, дешевка! – процедил сквозь зубы Шапи.

– Садист, чертов импотент! Сам ни хрена не можешь! – собрав последние силы, Ида плюнула в лицо маньяку.

Но Шапи лишь расхохотался. Схватив жертву за волосы, он поволок ее по полу и сильно толкнул в спину ногой.

– Убирайся отсюда! Деньги, что были обещаны, ждут тебя в гостинице! – бросил он.

– Ты еще пожалеешь об этом! – пискнула Романченко, – у меня есть влиятельные покровители. Я расскажу им...

– Ты будешь молчать, шлюха, – теперь голос Шапи был спокоен, – вздумаешь болтать языком, сдохнешь! Моим людям ничего не стоит убить тебя в твоей далекой Москве. Надо, мы тебя и на Луне достанем. На то мы и красноуральцы!

– Свины вы все! – злобно прошипела Ида.

– Сама ты свинья! – прорычал в ответ Шапи.

Схватив яростно сопротивляющуюся Иду за руку, молодчик подтащил ее к выходу и силой вытолкнул вон. Двери шикарного зала захлопнулись. Ида осталась в темном без единой лампочки коридоре. Вниз вела узкая вымощенная шероховатой плиткой лестница.

«Черный ход» – догадалась Романченко. Она начала спускаться вниз, держась за витые кованые перила. Ни мобильного, ни зажигалки, ее сумочка осталась в гримерке драмтеатра. Впопыхах она совсем забыла о своих вещах, теперь придется возвращаться за ними. Там еще паспорт и кредитка...

Ида споткнулась и едва не покатила вниз. На ступеньках сидела Лена. Тихонько всхлипывая, мисс «Краса Красноуралья» пыталась собрать воедино лоскутки, в которые стараниями Ахмеда Джимаева превратилось ее недавно еще такое шикарное вечернее платье.

– Тебя изнасиловали? – Ида наклонилась к девушке, но та молчала.

– Джимаев надругался над тобой? – повторила Ида.

– Да, – еле слышно проронила Лена, – он настоящий садист, изнасиловал и избил меня. Не знаю, как завтра в больнице появлюсь, я ведь там медсестрой работаю...

– Вот и сидела б там, в своей больнице. – Ида вытерла рукавом платья слезы с лица девушки, – что вас, дурех, по этим сраным конкурсам носит?

– Я не знала, что тут такая гадость творится, – проронила Лена.

– Теперь будешь знать, – Ида помогла страдалице подняться, – пойдём, нужно выбираться отсюда, – тихо добавила она.

Вдвоем они вышли на улицу. Свирепого вида охранник, дежуривший у охотничьего домика, указал рукой куда-то в сторону.

– Идите туда, там машина, Закир довезет вас до города!

– Поймаем попутку! – отрезала Ида.

– Как будет угодно...

Охранник пожал плечами и отвернулся, демонстрируя полное безразличие.

Девушки вышли к шоссе.

– Ты сейчас куда? – обратилась Ида к Елене.

– Доберемся до города, а там – в полицию. Буду писать заявление...

– Жаловаться решила? Не советую.

– Почему? – голос Лены дрожал, – разве этому гаду все позволено?

– Здесь, да! – неожиданно зло отрезала Ида, – здесь хозяйничают такие, как этот Джимаев. А вся полиция давно сидит у него в кармане. Купил он легавых, поняла?

– Нет! – Лена вытерла тыльной стороной ладони текущие по лицу слезы, – не может быть, чтобы все были продажные. Есть и честные...

– Делай, как знаешь...

Ида почувствовала навалившуюся на нее усталость, круто смешанную с вязким, тягучим, словно патока, безразличием. Что, в самом деле, ей до какой-то лохушки Лены Красиковой? Сегодня ночью, в крайнем случае, завтра утром, она уедет из этого мрачного, пропитанного безысходностью захолустья и навсегда забудет и злобного Шапи, и его могущественного папашу Джимаева.

Она, Ида, никогда и никому не расскажет, что произошло с ней тут, в этом далеком, Богом забытом Красноуралье. Она будет молчать, как рыба, и переживет это одна, синяки и ссадины пройдут. И лишь деньги будут ей слабым утешением. Деньги, деньги...

Ида алчно улыбнулась. Сейчас главное, чтобы эти чертовы Джимаевы не кинули ее с «бабками». А эта наивная дурочка Лена Красикова пусть идет жаловаться и вертит в то, что кто-то здесь ей поможет. Дуреха...

Кое-как приведя себя в порядок, девушки умылись водой из придорожного колодца. Вскоре подружки по несчастью добрались до шоссе и поймали попутку. Шофер пообещал довезти до драмтеатра и подождать пока Ида сбегает за деньгами...

Глава 4

– Извините, товарищ полковник...

– А? Кто? – Илья Ильич Рассказов не сразу узнал голос старого знакомого майора Поседейко.

Начальник одного из отделений полиции осмелился потревожить друга в четыре утра.

– Чего тебе, Клим Сергеевич? – недовольно пробубнил Рассказов, усаживаясь на постели и тщетно борясь с зевотой.

– Беда у нас тут, Ильич! Ахмед со своим сыном Шапи совсем с катушек слетели. Приезжую знаменитость Иду Романченко поймали, как шлюху подзаборную. Девушка, что Красой Красноуралья стала, сейчас у меня в кабинете сидит, – слышно было, как майор тяжело вздохнул в телефонную трубку. – вообще-то, ее тоже, того, насильничали над ней, когда они с Идой на банкет к Ахмеду приехали...

– Что ты такое говоришь, Клим?! – Рассказов вскочил с постели, – ты в своем уме, майор? – едва поборов охватившую его ярость, бросил Илья Ильич.

– Так точно, в своем. – Поседейко помолчал, – в загородный дом Ахмеда был направлен наряд полиции, но парни вернулись ни с чем.

– Почему они не задержали этих мерзавцев?

– Гости Ахмеда божатся, что ни папаша, ни его сынок никуда не отлучались из-за стола. Один из гостей оказался депутатом краевой думы, уважаемый человек...

– Ясно, – перебил майора Рассказов, – сейчас приеду к тебе сам, будем разбираться...

– Жду, – Поседейко положил трубку.

Илья Ильич прошел в ванную и плеснул в лицо холодной водой. Мысли одна противней другой роились в его голове. Рассказов почти физически ощущал их ленивое шевеление, и от этого делалось еще гаже.

«Фатеев прав, криминалитет края совсем обнаглел и престал воспринимать всерьез местную власть, сам возомнил себя этой самой властью!» – размышлял полковник, что есть силы гоня свой автомобиль по пустынному в эти предутренние часы шоссе. Дорога в сторону области была отремонтирована совсем недавно, но на блестящем в свете фонарей полотне уже появились первые выбоины и глубокие трещины.

За ремонт трассы несла ответственность подконтрольная авторитету Гоче строительная фирма. Еще в бытность старого мэра Гоча получил этот дорогостоящий подряд. Работы велись из рук вон плохо, но приемная комиссия результатами работы Гочиных подопечных осталась довольна. Получив по пухлому конверту, приемщики послушно поставили свои подписи в разрешениях на ввод трассы в эксплуатацию. Теперь дорога разваливалась прямо на глазах.

Рассказов резко вывернул руль, объезжая очередную яму. Автомобиль тряхнуло. В бардачке глухо гроыхнула початая бутылка водки. Илья Ильич остановился и вытер рукавом пиджака мокрый от пота лоб. Руки полковника мелко, противно тряслись. Нужно успокоиться, Рассказов открыл бардачок и извлек наполовину пустую посудину. Привычно выдохнув, полковник влил в себя водку и, приоткрыв стекло, выбросил пустую тару на обочину дороги.

Еще с километр и начнутся владения майора Поседейко. Микрорайон «Старцево» был самой захолустной городской окраиной. Когда-то тут располагалось старинное, еще с царских времен кладбище. В семидесятых годах прошлого столетия могилы сровняли с землей, а на их месте возвели серые приземистые пятиэтажки. С тех самых пор дома не ремонтировались и сейчас являли собой жалкое зрелище. Покосившиеся двери подъездов, выщербленные ступени и подслеповатые оконца, обрамленные ветхими, дано некрашеными переплетами, все это производило впечатление брошенности и неустроенности. Отчасти, так оно и было. Оборонный завод «Красноуралье», на чьем балансе находились домишки, давно утратил свое страте-

гическое значение и влачил жалкое существование. Жители пятиэтажек, бывшие работники этого некогда славного завода, тоже хирели вместе со своим предприятием. Не сумев приспособиться к новым условиям жизни, работяги спивались и медленно угасали.

В одной из пятиэтажек было расположено отделение полиции, где начальствовал Клим Поседько. Рассказов не раз бывал здесь и без труда отыскал металлическую дверь с привинченной к ней табличкой.

«Отдел полиции «Старцево» – значилось на ней.

Илья Ильич толкнул плечом тяжелое крашеное в серый казенный цвет полотно и вошел внутрь. За столом дежурного дремал полный усатый капитан в старой давно не глаженной форме.

– Начальник у себя?! – не здороваясь, рявкнул Рассказов.

Капитан моментально проснулся и принялся тереть глаза большими пухлыми кулаками. При этом он тяжело вздыхал и с упреком посматривал на Рассказова. Зачем, мол, разбудил?

– Вы кто такой будете, товарищ? – наконец вымолвил усач.

– Конь в пальто! – рассерженно бросил полковник.

Смерив толстяка презрительным взглядом, Рассказов пошел по полутемному, освещенному одинокой тусклой лампочкой коридору. Добравшись до кабинета Поседько, полковник рванул дверь на себя.

Сухощавый высокий майор расположился за столом. Напротив него, опустив голову и скорбно потупив взгляд, сидела девушка в синем, как у уборщицы, халате. Рядом на уголке стола лежало изодранное в клочья вечернее платье. Услышав шум открываемой двери, девушка дернулась всем телом и разрыдалась, закрыв лицо руками.

– Никто мне не верит, никто, совсем никто. Все твердят одно и то же, мол, сама виновата. А в чем я виновата? В том, что в конкурсе этом треклятом участвовать решила? Так там за победу большие деньги обещали. Нам деньги очень нужны, и мне, и маме, и младшему брату. Как отец погиб, тяжело нам стало. Едва концы с концами сводим.

Голос девушки показался Рассказову смутно знакомым.

– Ты не Лена Красикова будешь? – спросил Илья Ильич.

– Она самая, Елена Викторовна Красикова, дочь погибшего при исполнении задания сержанта Красикова, – ответил за девушку майор Поседько.

Рассказов вспомнил, как несколько лет назад сержант тогда еще милиции Виктор Красиков был застрелен при задержании особо опасного преступника, совершившего вместе с подельниками налет на ювелирный магазин. Убийцу сержанта удалось поймать, мерзавца судили, но, признав невменяемым, отправили на принудительное лечение в дурдом. Позже выяснилось, что урка – правая рука известного бандитского авторитета Дяди Леши, и тот не пожалел за отмаз «соратника» большой суммы денег.

Дочь храброго милиционера Илья Ильич впервые увидел на похоронах сержанта. Тогда Лена, неказистая угловатая девочка-подросток, горько плакавшая у гроба, была еще школьницей, теперь вчерашняя школьница превратилась в настоящую красавицу и, вот, похоже, заплатила за свою красоту...

Теперь Рассказов с горечью смотрел на красное от слез лицо девушки, на старенький халат, который, вероятно, дал Лене догадливый Поседько, позаимствовав спецодежду у местной уборщицы...

– Не плачь. Не надо...

Рассказов сел на стул рядом с девушкой и пожил руку ей на плечо.

– Я лично знал твоего отца, – полковник старался говорить как можно участливей, – он был хорошим человеком...

Девушка молчала, взгляд ее был все также устремлен в издавший виды паркетный пол майорского кабинета.

– Я займусь твоим делом лично. И знай, виновные будут наказаны и очень пожалеют, что причинили тебе зло...

– Ты ведь была там не одна? – он вновь взглянул на девушку.

– Нет, мы были с ведущей конкурса, с Идой Романченко, – девушка вытирала катившиеся по лицу слезы рукавом халата.

– Ида сейчас в гостинице? – взгляд полковника остановился на молчавшем до сих пор майоре Поседейко..

– Так точно. Где ей еще быть? Ближайший самолет до Москвы лишь через пять часов, – пояснил майор.

– Я еду к ней. Нужно поговорить, – Рассказов решительно поднялся со своего места и шагнул к двери, – а ты, Клим, распорядись, чтобы девушку отправили домой на машине. Есть у тебя транспорт?

– Как не быть...

Полковник вышел из кабинета и двинулся во двор. За столом дежурного угрюмо сопел усатый капитан в давно не глаженной форме и лихо сдвинутой на затылок фуражке. Завидев Рассказова, толстяк мгновенно вскочил со своего места и старательно вытянулся в струнку, приложив к засаленному околышу фуражки полную короткопалую пятерню.

«Довели до увальня, кем я тут являюсь», – мстительно подумал Илья Ильич, проходя мимо капитана с «каменным» лицом. Полковник прошел к своей машине и, усевшись за руль, рванул ее прямо с места. Послушный воле водителя, мощный отлично отлаженный автомобиль мгновенно развил скорость и лихо помчался вперед. Как ни странно, быстрая езда всегда успокаивала Рассказова, заставляла мозг полковника работать четко и мгновенно принимать нужные решения.

Сейчас его путь лежал в центр города, там мирно соседствовали старинные купеческие особняки и кричаще шикарный новострой, отель «Красноград–Кемпински». В самом дорогом люксе отеля проживала сейчас столичная штучка, героиня светских тусовок и по совместительству ведущая различных шоу Ида Романченко.

Добравшись до самой фешенебельной городской гостиницы, Илья Ильич быстро прошел внутрь и, махнув перед носом портье служебным удостоверением, направился к лифту. Люкс столичной знаменитости находился на пятом этаже.

Дверь из красного дерева мгновенно распахнулась, едва полковник постучал по ней костяшками пальцев.

– Вам кого? – не очень любезно отозвалась хозяйка люкса.

Слегка приоткрыв дверь, Романченко застыла на пороге номера.

– Вас, – Рассказов шагнул в благоухающее ароматом дорогого парфюма нутро люкса, – я – начальник городской полиции, – вот мое удостоверение, можете ознакомиться, – Илья Ильич подал в руки девушки красные корочки.

Романченко протянула руку и тут же, будто обжегшись, одернула ее назад.

– Чем обязана? – на лице появилось выражение тревоги.

– Только что против вас было совершено преступление, кроме вас пострадала еще одна девушка. Красикова Елена, ее изнасиловали...

– Какой ужас! – Романченко притворно закатила вверх умело подведенные глаза, – кто же это мог сделать?

– Не валяйте дурака. Это вам прекрасно известно. Преступление совершил Ахмед Джимаев. Его сынок тоже не сидел, сложа руки. Не считаете своим долгом помочь мне наказать этих негодяев?

– Не понимаю вас, отец и сын Джимаевы весьма культурные и благородные люди, – голос девушки дрогнул, длинные ресницы дернулись, Ида слегка запнулась, но тут же овладела

собой, – у меня нет претензий к господам Джимаевым. Так и запомните, господин полицейский.

Романченко повернулась на каблуках и пошла вглубь своего люкса. Полковник успел заметить лежащий на туалетном столике пухлый конверт.

– Ваш гонорар? Джимаевы уже расплатились с вами за причиненные неудобства? – Рассказов шагнул к столику и брезгливо поднял конверт двумя пальцами.

Несколько купюр достоинством по пятьсот евро выскользнули наружу и, закружившись в медленном танце, полетели на ковер.

– Мне заплатили, как было обещано, и я...я отработала, – залепетала Ида.

Рассказов не ответил, бросив распотрошенный конверт обратно на туалетный столик, он вышел из люкса, громко хлопнув роскошной дверью.

Спустившись вниз, он заметил возле своего автомобиля вертлявого молодого парня в дорогом явно заграничного кроя костюме.

– Господин полковник, – вертлявый бросился к Рассказову и, вымученно улыбнувшись, затараторил, – господа Джимаевы просят вас не поднимать ненужного шума. Все будет решено полюбовно, все останутся довольны друг другом. Столичная гостья будет молчать, а с Леной мы договоримся отдельно.

– А шума и не будет, – бросил полковник, оттеснив в сторону вертлявого типа, он уселся за руль и, запустив мотор, тронул авто, едва не сбив с ног все еще говорившего что-то молодчика.

Остановившись через пару кварталов, Рассказов достал мобильник и набрал номер Олега Фатеева.

– Олег, я не уйду в отставку, пока не закончу одного важного дела, – глухо произнес полковник.

– О чем ты? – голос мэра был напряжен.

– Ты знаешь о чем...

Рассказов вспомнил, что в нижнем ящике его письменного стола лежит старая, давно распавшаяся на отдельные листки записная книжка. Послание из прошлой жизни, той, где он, нынешний, умудренный жизненным опытом полковник полиции Илья Рассказов был еще лихим армейским капитаном, проходившим службу в одной из самых горячих точек тогдашней России.

Глава 5

Телефонный звонок грянул внезапно и громко, властно разорвав ночную тишину. Саша-Пехота откинул прочь легкую простыню и тупо уставился на стоявший на прикроватной тумбочке аппарат. Звонивший был настойчив, но Саша снял трубку лишь на десятом звонке.

– Алле, – буркнул Пехота.

– Александр?

Говоривший безошибочно узнал Сашу по одному лишь слову. Да и Пехота тоже сразу опознал звонившего.

– Илья, – почти утвердительно произнес Саша, мысленно представляя себе высокого плечистого капитана Рассказова, вытащившего его, Сашу, с поля боя.

Раненый Пехота истекал кровью. Сам Рассказов тоже был ранен, но товарища не бросил. В том страшном бою их батальон poleg почти в полном составе. От мощного боевого подразделения осталось меньше взвода израненных, едва державших в руках оружие бойцов.

Саша до сих пор помнил тот бой в мельчайших подробностях, хоть и старался забыть о нем навсегда. Однако воспоминания не уходили, наоборот, с каждым прожитым годом, они становились все ярче, будто война жила вместе с ним, в его зачерстневшей, покрывшейся толстой коркой безразличия душе. Порой Саша явственно ощущал запах пороховой гари, словно все еще находился там, в центре чужого города, среди разбомбленных домов которого бродила опьяневшая от крови Смерть.

Позже, находясь на излечении в госпитале, Рассказов и Пехота поклялись никогда не забывать павших товарищей и условились держать связь. Но потом капитан перевелся на другое место службы, а Саше, нахамившему высокому начальству, вообще пришлось уволиться на гражданку.

Теперь, спустя годы, Рассказов напомнил о себе поздним телефонным звонком, а он, Саша, не знал, как реагировать на этот вызов. Капитан был из той далекой жизни, которая теперь осталась позади. Чуть поразмыслив, Пехота решил нажать на рычажок и отключиться, но рука не хотела повиноваться. Саша так и сидел, до боли сжимая в кулаке ставшую вдруг горячей трубку.

– Слушаю, Илья – медленно проговорил он.

– Я хотел бы видеть тебя, – голос Рассказова был слышен словно сквозь вату.

Сейчас Пехота особенно хорошо понимал, как много километров и прожитых лет, отделяют их друг от друга.

– По поводу? – не очень охотно откликнулся Саша.

– Я хотел бы видеть тебя, – не слушая Сашу, вновь проговорил Рассказов, – когда-то давно я спас тебя от верной смерти. Долг платежом красен. Ты нужен мне, я живу все там же, прилетаю, я встречу тебя в аэропорту. Идет?

– Я прибуду через три дня, – сообщил Пехота.

Он бросил телефонную трубку на рычаг и вновь улегся на кровать. Рассказов жил в Краснограде, столице Красноуральского края, самого криминального региона нынешней России. Отчего бывший сослуживец вспомнил о нем, Саше, именно теперь? Пехота раздумывал над этим довольно долго, но так не до чего и не додумавшись, решил встать. Он поднялся, умылся, сделал зарядку и, усевшись за массивный кухонный стол, принялся завтракать. Раннее утро не располагало к чревоугодию, и Саша решил остановить свой выбор на легкой геркулесовой каше. Залив в кастрюльку молока, Саша довел его до кипения и только после этого сыпанул туда несколько ложек овсяных хлопьев.

В ожидании каши, он включил телевизор и тупо уставился на экран. Молодящаяся из последних сил ведущая задорно вещала о погоде в столичном регионе, и, покончив с метеопрогнозами, передала слово угрюмому, стриженому наголо типу с тяжелой челюстью.

– Время криминальных новостей. С вами Тимофей Собакин, – мрачно объявил тип, – сегодня ночью правоохранительные органы провели серию арестов. В руки полиции попали бандиты из так называемой Мухинской преступной группировки. Их лидер Иван Мухин оказал активное сопротивление аресту и был застрелен штурмовавшими его квартиру полицейскими.

На экране появилось мертвое лицо Мухи. Саша присвистнул. Все заказы он получал от этого низкорослого шупленького паренька, которого боялась большая половина криминальной Москвы. Муха вел дела уверенно и с размахом, резво отправляя в мир иной становившихся на его пути недругов и конкурентов.

Отношения Мухи и Пехоты строились на доверии и были строго конфиденциальными. Теперь сколотивший солидный капиталец Саша искренне пожалел о погибшем работодателе. Он даже вылил в унитаз почти готовую овсянку и достал из холодильника початую бутылку водки.

– Земля тебе пухом, Муха, – пробормотал он, наливая до краев граненый стакан.

Череда убиенных по заказу Ивана Мухина быстро промелькнула пред глазами Пехоты. Ни одной женщины, или ребенка, все погибшие от руки Саши были отпетыми бандюганями, или грязными, в конец опоскудившимися деятелями бизнеса и политики, по которым давно плакала высшая мера наказания, так некстати отмененная демократами.

Пехоте никогда не было стыдно ни за один выполненный им заказ. Наоборот, он, Саша видел себя мстителем, освобождавшим мир от «всяких смрадных гадов», как говаривал любимый герой Пехоты в одном из лучших советских телесериалов.

Задержав дыхание, Саша влил в себя стакан водки и громко хрумкнул маринованным огурцом. Помянув погибшего от полицейских пуль Муху, Пехота включил ноутбук и ознакомился с расписанием идущих в столицу Красноуралья поездов. Ближайший должен был отправиться ровно через два часа.

Саша принялся одеваться. Нацепив на себя выдавший виды костюм, Саша подошел к окну и глянул на приделанный к раме термометр. Середина мая, а на улице всего плюс восемь! Пехота недовольно хмыкнул и накинул на себя старенький плащ. Затем, повозившись в ящике стола, Саша извлек оттуда старомодные роговые очки с простыми стеклами без диоптрий. Водрузив их на нос, Пехота глянул в зеркало и остался доволен произошедшей с ним метаморфозой. Ни дать, ни взять научный сотрудник из заштатного НИИ. Вот, и портфельчик соответствующий имеется. Саша вынул из шкафа объемный похожий на безразмерный баул портфель и небрежно бросил туда смену белья и толстый шерстяной свитер.

Чуть поразмыслив, Саша «присел на дорожку», и, спустя минуту, насвистывая «по долинам и по взгорьям» уже спускался по подъездной лестнице. Выйдя на улицу, Пехота миновал пустовавшую в этот ранний час трамвайную остановку и неспешно побрел к станции метро.

Глава 6

Полковник Рассказов приехал в аэропорт за полчаса до прибытия московского рейса. Расположившись в кафе, устроенном над самой зоной прилета, полковник заказал чашку кофе и принялся наблюдать за суетными передвижениями кишачих внизу пассажиров. Прилетевших в Красноград командировочных было видно сразу. Они с интересом оглядывались по сторонам, растерянно слушая трескотню наседавших на них таксистов-частников. Желаящих втридорога доставить в город приезжих специалистов было пруд пруди. Среди таксеров выделялись несколько человек, державшихся плотной группкой. Это были смотрящие.

Преступный красноградский авторитет Сеня Большой держал под своим неусыпным контролем все транспортные перевозки. Дежурившие в аэропорте таксисты исправно платили Сене дань, и так же исправно «поднимали на деньги» измотанных долгим перелетом гостей края. Начав с малого, автокидалы мастерски поднимали цену за проезд до заоблачных высот. Приезжим приходилось платить, или испытывать на себе гнев крепких телом красноградских водил.

С конкурентами Сеня Большой расправлялся решительно и безжалостно. Когда-то, еще в далеких девяностых несколько бывших воинов-авганцев, попытавшихся организовать альтернативную транспортную компанию, отказались от бандитской крыши и задумали работать честно. Через пару недель двух водителей зарезали прямо в их машинах. Остальные, скрепя сердце, пошли под длань Большого.

Рассказов перевел взгляд на беззаботно улыбающихся людей с небольшими чемоданчиками на длинных ручках. Все понятно, это красноградцы, вылетающие на отдых в жаркие страны. Отпускники довольны, расслаблены, и все в ожидании шикарного заграничного отдыха. И очень напрасно, товарищи. Враг не дремлет. Среди вышедших из местного дьюти-фри туристов юрко шастает парочка молодых людей и растерянный пожилой гражданин в стареньком, давно вышедшем из моды пальтеце и сбитом набекрень берете. Все трое – карманники, которые, судя по всему, собрали сегодня богатый урожай. Молодцы посмеиваются, а старик играет свою роль до конца, он работает под растерянного пассажира, так некстати потерявшего свой паспорт и билет на отлетающий вот-вот рейс. Расслабленные отпускники сочувствуют незадачливому деду, и делают это совершенно напрасно, многие из них очень скоро не обнаружат у себя исчезнувшую куда-то иностранную наличность...

Рассказов тяжело вздохнул и продолжил изучать движущихся по залу «странников». Навстречу жизнерадостной толпе отбывающих в теплые страны движется поток прибывших из этих самых стран. Приземлившийся чартер исторг из своего нутра уже закончивших отдых жителей столицы Красноуралья. Отдохнувшие смотрят с завистью на тех, кто еще только улетает на курорты, и, игнорируя суетящихся возле них таксеров, понуро плетутся на остановку общественного транспорта. Отпуск закончился, денежки тоже...

Вальяжный голос диктора объявил о прибытии московского рейса. Вскоре появились первые пассажиры, они тут же устремились к транспортерам, на которых вот-вот должны были появиться их чемоданы и сумки. Рассказов отставил в сторону чашку с так и недопитым кофе и впился взглядом в разношерстную толпу прилетевших.

Внизу толпились с десяток усталых командировочных, возвратившихся из Москвы, довольно большая группа иностранцев из дальнего зарубежья и даже столичная рок-группа, прилетевшая в Красноуралье на гастроли. Того, кого так ждал Рассказов, среди прилетевших не было.

Полковник бросил на столик двести рублей и, быстро покинув кафе, сбегал вниз. Он вышел из здания терминала и двинулся к остановке автобуса, идущего в центр города. Свою машину Рассказов оставил далеко за пределами аэропорта. Толпившийся на остановке народ

терпеливо ожидал подачи длинного, похожего на бело-зеленую гусеницу, автобуса. Ожидание обещало быть долгим, и Рассказов полез в карман плаща за сигаретами.

– Закурить не найдется?

В быстро сгущающихся вечерних сумерках перед полковником словно из-под земли вырос высокий, немного сутулый гражданин в плохоньком сильно ношеном плащике. На голове гражданина красовалась засаленная мятая бейсболка с эмблемой местного футбольного клуба «Красноуралец».

Рассказов опустил взгляд ниже. Мужчина был не брит, старомодные очки в роговой оправе сидели на носу неуверенно, того гляди, грозя свалиться вниз. В руках бомжеватого типа была початая бутылка пива, которую он, всего верней, подобрал недопитой где-то тут, прямо возле автобусной остановки.

– Закурить не найдется? – хрипло повторил тип, громко шмыгая носом.

– Пшел вон, – брезгливо отворачиваясь, бросил Рассказов.

– Неласково встречаешь, Илья, – тихо произнес вдруг бомж, отходя от остановки.

– Саша?! – Рассказов с жалостью взглянул на бывшего сослуживца, – как ты опустился, – вырвалось у полковника.

Он смотрел на заросшее щетиной лицо Александра, мысленно отметив старенький костюм и стоптанные башмаки с небрежно завязанными шнурками. Зря он вызвал сюда этого человека, он ему не помощник, лихого и дерзкого вояки давно нет. Вместо него «копит небо» никчемный алкоголик в старомодных очечках и стареньком давно не стираном плащике.

– Не суди о человеке по его внешнему виду, – тихо проговорил Саша, все более отдаляясь от остановки в сень старых пыльных тополей, идущих сплошной стеной вдоль автобусной трассы.

Теперь голос Александра звучал также уверенно, как и тогда, много лет назад. Взгляд его тоже изменился, вместо мутных подслеповатых гляделок спившегося бомжа на полковника взглянули холодные, словно дула пистолетов, глаза. Нет, тот дерзкий вояка был жив, и оставался таким, каким и знал его Илья Ильич Рассказов.

– Как ты добрался сюда? Когда? Тебя не было на московском рейсе. Приехал поездом? – поинтересовался полковник.

– Я прибыл перекладными, скажем так, некоторое время назад, – уклонился от прямого ответа Саша.

– Так это ты встречал меня здесь? – хмыкнул Рассказов.

– Именно так, – утвердительно кивнул Пехота, – зачем звал меня сюда, товарищ полковник? У меня никогда не было никаких дел с полицией. Ты ведь полицейский, Илья? Я навел о тебе справки...

– И я тоже кое-что выяснил о тебе, – полковник криво усмехнулся, – ты стал киллером, лейтенант. Правда, очень осторожным и разборчивым, но все же ты – наемный убийца. Эти сведения предал мне один из моих московских друзей. Материалов на тебя крайне мало, так одни домыслы и предположения, именно поэтому ты до сих пор на свободе.

– Что тебе надо, Илья? Зачем ты звал меня?

– Хочу поручить тебе работу по твоему профилю. Сложную, опасную, но очень хорошо оплачиваемую. Ты ведь не привык отказываться от выгодных предложений?

– С чего бы я отказался? – Пехота полез в карман плаща, достал смятую пачку местных сигарет и, не торопясь, закурил, – я сделаю все, что нужно, но у меня свои правила. Женщин и детей не трону ни при каких обстоятельствах. Лишаю жизни лишь бандюков и примкнувших к ним разномастных гадов. Годится?

– Годится. Материалы получишь завтра утром. Где тебя найти?

– Я сам найду тебя, полковник. Завтра утром. Жди!

Саша допил остававшееся в бутылке пиво и, размахнувшись, зашвырнул пустую тару далеко в кусты. Обернувшись, он подмигнул полковнику и тут же исчез в зарослях придорожного кустарника. Рассказов усмехнулся, лейтенант всегда умел отлично маскироваться и не утратил это умение по сей день.

Глава 7

Рассказов приехал домой поздно ночью. Выпив водки и закусив выпитое куском заветренной колбасы, чудом сохранившейся в пустом холодильнике, полковник лег спать. Но сон не шел. Разболелась голова, полковник не спал последние трое суток. Все то время, что Пехота добирался до Краснограда, Рассказов кропотливо трудился, собирая воедино досье на тех, кого предстояло вывести из жизненного оборота. Теперь, когда он принял это решение, стало легче. Сдерживающих факторов больше не существовало, убийца будет действовать по его Рассказова указке, а, значит, он Рассказов и сам станет этим самым убийцей, не тем, кто убивает, но тем, кто указывает в кого стрелять.

Раньше при одной мысли об этом Рассказову становилось дурно, теперь дурнота прошла. Криминальная элита края обнаглела. Стянувшись в Красноград, она принялась сеять вокруг себя беды и смерть. Полковник вспомнил обмакнутых дольщиков, которых лишил последних сбережений строительный магнат, ходивший под криминальным авторитетом Халилом. Рассказов сам видел труп отравившейся от горя женщины, матери-одиночки, враз оказавшейся на улице вместе с малолетним сынишкой. Несчастная продала свою тесную квартиру и влезла в долги, чтобы купить фальшивые квадраты нового просторного жилья, существовавшего только на бумаге.

Основатель финансовой пирамиды криминальный банкир Иван Кумиди, действуя под крышей Димы Красноуральского, оказался еще хитрей. Подлец орудовал через подставных лиц и обобрал добрую половину тружеников края, вовремя сдав в руки закона мелких жуликоватых клерков, которые, пыжась от липовой значимости, изображали из себя финансовых гениев.

Дядя Леша, старый вор-законник, наплевал на свои блатные понятия и, устранив давнишних корешей, воспылал любовью к самому позорному промыслу и не стеснялся получать с «дырок». Подмяв под себя все краевые бордели, он через доверенных лиц вербовал по деревням молодых бестолковых девах и отправлял их за границу, где вместо работниц по дому и нянек в больницах девчонки становились настоящими секс-рабынями. И горе той, которая посмела бы сбежать. Шестерки Дяди Леша вылавливали беглянок и устраивали над ними показательные расправы. Несколько девушек нашли повешенными в местном лесу, строптивницы отказались работать на преступный синдикат.

Ахмед Джимаев, его сынок Шапи и примкнувший к ним мафиози Халил, давно и прочно укрепившиеся на самом вершине криминальной иерархии, контролировали всю экономическую жизнь края и краевой столицы. Они крышевали крупные промышленные предприятия и почти уверовали в собственную безнаказанность. Директора фирм ползали перед Джимаевыми на коленях, умоляя тех взять бизнесменов под свое грязное покровительство. Если директор не оказывал должного почтения и раболепия, бандиты просто убивали его, заменяя своим человеком. Погибшие от рук опьяневших от крови упырей заполнили своими могилами несколько престижных аллей на местном Палашихинском кладбище.

Список злодеяний красноуральских мафиози можно было бы продолжать до бесконечности, но полковник устал. Он решил действовать, и скоро вся местная мразота быстро уяснит, кто здесь настоящая власть, а, уяснив и содрогнувшись от ужаса, побежит прочь из его, Рассказова, региона...

Наконец, полковник погрузился в некое подобие сна. Тревожное забытье овладело им. Рассказов ворочался на постели. Перед ним возникали лица людей. Часть из них была знакома Рассказову, какие-то полковник где-то видел, но кто эти люди, сказать не мог. Он силился вспомнить, но все его усилия были тщетны, и от этой тщеты полковник уставал еще больше. Первый же утренний луч, пробившийся в щель между пыльными, давно не стираными занавесками разбудил Рассказова, прервав его тревожное забытье, мало походившее на сон.

Полковник сел на постели и оглядел большую неприбранную комнату. Пыльная мебель, витавший в воздухе не выветриваемый запах табачного дыма, который пропитал собой каждый квадратный сантиметр пространства. Да что там дым, полковник не помнил, когда последний раз протирал пыль в своем ставшем вдруг таким неухоженным жилище. Рассказов тяжело вздохнул, он вспомнил, как радовались они с женой и дочуркой, когда всей семьей пришли смотреть эту новую дороговую квартиру. Теперь жены и дочери нет, и квартира стала вдруг ненужной. Зачем она Рассказову, если рядом нет тех, ради кого это жилье покупалось?

Полковник тяжело поднялся и пошел умываться. Стоявший на тумбочке телефон зазвонил в тот момент, когда Рассказов чистил зубы. Отложив щетку и выплюнув в раковину белую от пасты воду, полковник поднял трубку.

– Слушаю, – буркнул Рассказов.

– Я у твоего подъезда.

– Сейчас спущусь.

– Не стоит. Передашь посылку, когда пойдешь на службу.

Звонивший отключился. Рассказов дочистил зубы и наскоро выпил чашку кофе. Через десять минут, он уже спускался вниз на быстром бесшумном лифте. Выйдя из подъезда, полковник заметил топтавшегося возле мусорных баков бомжа. Бомж деловито осматривал выброшенную кем-то из соседей полковника куртку. Куртка была еще не старая, но местные богатеи избавились от вещи, едва у той вышла из строя молния. Теперь одежда стала легкой наживой бомжа. Нацепив на себя обнову, бродяга продолжил рыться в баке. Рассказов выбросил в контейнер пакет с мусором и зашагал к стоянке авто.

Бомж проворно схватил пакет и тут же принялся потрошить его. Маленькая флеш-карта оказалась в его руках незаметно для двоих парней, сидевших в черном джипе, припаркованном прямо напротив входа в подъезд.

Они лениво смерили бродягу презрительным взглядом и даже не посмотрели ему вслед, когда тот покидал двор.

Бомж перешел улицу и двинулся вниз к набережной, откуда открывался прекрасный вид на нижнюю, старинную часть города. Пехота любил старые провинциальные города, их тихие тенистые улочки, дворы и затерявшиеся в зелени деревьев частные домики. В один из таких дворов и шмыгнул сейчас Пехота. Комнату в старом, заметно покосившемся доме он снял сразу по прибытии в Краснодар.

Хозяйка, худенькая подслеповатая старушка, отдала Саше ключ от отдельного входа. Теперь Пехота мог покидать свое новое жилище незаметно для хозяйки. Впрочем, бабулька была одинока и плохо видела, эти бабкины особенности были Саше по душе. В случае чего, бабка не смогла бы описать своего квартиранта.

Пробравшись к себе в комнату, Саша достал из дорожной сумки ноутбук и, вставив в него флэшку, переданную полковником, засел за изучение материалов. Рассказов оставил для Саши подробнейшие инструкции и даже указал место оружейного схрона, где были приготовлены так необходимые Пехоте неучтенные «стволы» и взрывчатка. Саша невольно подивился дальновидности полковника. Рассказов предусмотрел все, даже оружие доставать не пришлось. Все было готово заранее, казалось, Рассказов готовил операцию «Возмездие» очень тщательно и лишь ждал сигнала начать охоту на криминальных авторитетов Красноуралья.

Пехота изучал материалы почти сутки. Все это время Саша не открывал усталых глаз от экрана своего ноутбука. Первым он решил «валить» пятидесятилетнего Сеню Большого. Сеня, по оперативным данным полковника, был малым недалеким, но обладал поистине звериным чутьем и каким-то непостижимым коварством.

Авторитета Семена Беликова по кличке Сеня Большой Саша задумал убрать во время поездки того на свою охотничью заимку. Авторитет возомнил себя стародавним помещиком и с разрешения местного лесхоза воздвиг в заповедных куцах некое подобие русского терема.

Этот терем обслуживала лично набранная Беликовым команда. Один из слуг заботился об элитной псарне бандита, еще двое, престарелая супружеская чета, содержала в порядке сам терем. К приезду хозяина старики топили русскую баню и готовили праздничное застолье. После застолья и непродолжительного отдыха Беликов в компании двух, трех шестерок отправлялся на охоту. После охоты хозяин и гости парились в бане и уминали приготовленные старухой охотничьи трофеи. И дед, и бабка, и даже псарь были дальними родственниками Беликова. Авторитет не доверял случайным людям, справедливо опасаясь, что чужаки могут предать или отравить своего повелителя.

Раз в неделю, а именно, в ночь с пятницы на субботу, Сеня Большой сотоварищи посещал свое загородное имение. Отдохнув от шума городского и вволю поохотившись, бандит отбывал обратно в Красноград поздним воскресным вечером. Этот распорядок не нарушался никогда и ни при каких обстоятельствах.

В материалах Рассказова были фотографии Беликова и его ближайших сподвижников. Тут были указаны номера и марки машин, на которых передвигался по городу глава преступного клана.

Пехота в который раз отметил мастерство Рассказова, составившего это подробное досье. «Не зря полковник служил в армейской разведке, эти навыкигодились ему и на новом месте службы, – думал Саша, – Наверняка офицеры Рассказова в свое следили за всеми персоналиями криминального сообщества края, но то, как полковник обобщил эти донесения, заслуживало особой похвалы».

На обдумывание и разработку плана ушло не больше двух часов. В отличие от книжных и киношных ликвидаторов, неделями разрабатывавших порученные им «акции», Пехота планировал свои экшны быстро, и почти все они исполнялись качественно и точно в срок, указанный заказчиком. Так будет и в этот раз.

Пехота выключил компьютер. Сведения о других авторитетах, подлежащих скорой ликвидации, он будет изучать позже, когда покончит с первым из приговоренных к смерти. Почувствовав, что очень устал, Пехота решил вздремнуть, на дворе была глубокая ночь. Он даже не заметил, как прошел этот длинный и очень напряженный день. Завтра у него много дел, нужно будет обзавестись машиной и взять оружие для ликвидации Сени Большого. Завтра пятница. Авторитет отправится вечером на свою заимку, но не доедет туда...

Глава 8

– Семен, вставай. Мне пора уходить...

Большой почувствовал, как по его плечу ползет узкая теплая рука проститутки.

– Отвали! Я спать хочу!

– Мне пора. Я ведь отработала, расплатись. Ты ведь не обманешь меня?

Голос девушки по вызову стал настойчивей. Она вновь погладила его по плечу, но Семен повернулся на другой бок и, что было сил, лягнул проститутку ногой.

– Пшла вон, коза драния, – пробубнил он.

– Свинья, – голос проститутки дрогнул, поскуливая от боли, будто побитая собачонка, она сползла с большой квадратной постели и принялась одеваться, – больше не поеду с тобой. Денег не платишь, бьешь только, – жалобно проговорила она.

– Чего бубонишь, тля? – Семен почувствовал, как на него накатывает высокая, словно местная красноградская телебашня, волна ярости.

Подобные ощущения были Сене не в новинку, волне нужно дать волю, иначе потом его будет мучить противное подавленное состояние, от которого, хоть волком вой.

– Чего бубонишь, мать твою?! – заорал он, вскакивая с постели вслед за проституткой, – денег тебе дать, сука?!

Беликов полез в карман джинсов и достал оттуда несколько свернутых в трубку сто долларовых бумажек.

– Вот они деньги-то! Только их отработать надо будет!

Девушка отползла к стене и замерла, мелко вздрагивая от обуявшего ее ужаса. И зачем она согласилась ехать с этим сумасшедшим мужиком? Он ей сразу не понравился. Здоровый, косолапый, будто медведь, и глаза – холодные, острые, словно бритвы. Маньяк, да еще и наркот в придачу! Она их сразу чувствует, не первый год на панели. Но «мамка» сказала ей ехать с этим самым Семеном, тем более, что он и сам выбрал ее, Зоя. Как тут откажешься?

Сначала все шло хорошо, и она уже подумала, что ошиблась, но тут пришла пора расплачиваться, а клиент не торопится. Зоя робко напомнила о себе, и вот теперь пожалела об этом. Нужно было встать и бежать, пока этот бугай спит, но, поди, знай...

Мужик приближался медленно, но неотвратимо. Он криво усмехнулся и бросил к ее ногам сто долларовую бумажку.

– Бери, – процедил он сквозь зубы.

– Не надо. Можно я пойду? – прошептала Зоя.

– Поднимай, говорю!

– Н-не надо, пожалуйста...

Она встала на четвереньки и тихонечко поползла к выходу. Главное выбраться из комнаты, там, в прихожей – дверь, в двери – ключ. Можно выскочить на лестничную клетку и рвануть на улицу, на улице убивать не будут. Там люди. Может, кто и заступится...

– Куда собралась?

Бугай шагнул наперерез и вдруг ударил ее ногой в живот. Боль словно остро оточенный нож резко вошла в тело. Зоя осела на пол.

– Сладко? – криво усмехаясь, садист склонился над ней.

Горячее с присвистом дыхание обожгло девушке лицо.

– Не надо, не убивайте, умоляю, – задыхаясь от пронзившей все тело боли, прохрипела Зоя.

Но Беликова только распалили эти слова мольбы. Он бил еще и еще. Методично истязая несчастную, он вдруг испытал такое желанное чувство облегчения. Минут через пять он устал.

Оттолкнув от себя сжавшуюся в комочек, стонущую от боли жертву, Большой подошел к двери и, распахнув ее, крикнул шестеркам:

– Чуча, Буйвол, идите девку пользоваться, пока живая еще!

Высокий костистый верзила Чуча и крепко сбитый коротышка по кличке Буйвол появились по первому зову хозяина.

– Да она сдохла уже, – разочарованно протянул Буйвол, первый нависший над девушкой.

– Не дышит, – мрачно подтвердил Чуча.

– Да? – Большой вытер рукавом рубахи вспотевший лоб, – не беда, что сдохла, братва!

Шлюх у нас в городе, что блох у паршивой суки. Я вам вечером других баб подгоню! Вот увидите, парни!

– А с этой чего делать будем? – тупо уставившись на хозяина, поинтересовался Буйвол.

– Из города вывезем, да в лесу бросим. Я местечко знаю, хрен, кто сыщет, – Большой посмотрел на часы, – пора выдвигаться, братва. Время! Утром у нас по плану охота!

Втроем они споро завернули труп проститутки в лежавшую на постели простыню. Большой пошел вперед, вызывать лифт, шестерки, сопя от усердия, волокли завернутое в простыню тело несчастной девушки. Выйдя с черного хода, все трое двинулись к припаркованной возле дома машине.

– В багажник девку кладите, у меня там снасти рыболовные сложены, сетями тело ее накройте, – бойко командовал шестерками Большой.

Буйвол и Чуча старательно исполнили повеление босса. В стремительно сгущавшихся сиреневых сумерках трое бандитов быстро скользнули в просторное нутро новенького мерседесовского джипа.

– Слабая больно девка попалась, два раза всего и двинул ей, – будто извиняясь, пробурчал Большой.

– В прошлый раз баба здоровая была, ты ее с полчаса метелил, пока очоурилась, – вставил Буйвол.

– Не гони пургу! Не было того раза, усек? – злобно ощерившись, навис над Буйволом его напарник Чуча.

– Правильно мыслишь, Чуча, – похвалил шестерку Большой, – на, вот, заслужил, – он достал из кармана куртки несколько стодолларовых банкнот и протянул их верзиле, – а ты, Буйвол – дурак набитый. Хрен тебе – а не баксы.

Большой и Чуча весело заржали. Буйвол же обиженно засопел. Лишенный подачки, он уставился в окно, за которым быстро проносились маленькие, покосившиеся от времени крестьянские хатки и жалкие приземистые сараюшки.

Автомобиль давно уже выехал за пределы города, пулей пролетел мимо окрестных деревенек и весело катил по проселочной дороге в сторону густого, угрюмо темневшего в наступающей ночи леса.

Сидевший за рулем Чуча предвкушал скорое застолье и последующий приезд дорогих городских проституток. Вечер перед охотой обещал быть веселым и полным плотских наслаждений. Выпустивший пар Сеня Большой тоже утратил свой обычный зверский вид. Ломовая доза влитой в вены наркоты наконец подействовала, бандит был весел и всю горланил песню про «ветку клена и берег Дона». Сидевший рядом Буйвол все еще дулся, но по опыту знал, что вскоре Сеня простит своего верного холуя, а, простив, наградит по-царски...

Прошуршав шинами по прелой, сырой от недавно сошедшего снега прошлогодней листве автомобиль выехал на узенькую просеку, старательно вырубленную гастарбайтерами. Просека вела прямо к «заимке», как именовал свои лесные владения Большой, и служила предметом особой гордости хозяина. Все трудившиеся на ее прокладке азиаты были обмануты и вытолканы взащей сразу после завершения работ. Особо строптивых, требовавших свои кровно заработанные «гроши», Сеня продал в рабство своему компаньону мебельному магнату Дяде Леше,

тот уступил работяг крупному синдикату дорожных работ. В итоге почти полсотни несчастных невольников бесплатно трудились сейчас на строительстве дорог края.

Большой вспоминал об этих событиях с улыбкой. Судьба обманутых интересовала его мало. Ему было совсем не жаль несчастных тружеников. Он видел пожилую женщину, приехавшую из Средней Азии искать пропавшего на заработках сына, но даже не сказал матери, что тот находится в плену у очередного рабовладельца...

Глава 9

«Первая ликвидация должна носить показательный характер. Разделаться с мерзавцем нужно так, чтобы все остальные поняли всю серьезность нависшей над ними опасности. Бандит должен быть казнен с особой жестокостью».

Эти строчки из рекомендации Рассказова Пехота заучил почти наизусть. «Что ж, если Сене Большому суждено погибнуть, пусть примет смерть в любимом им лесу, неподалеку от своей заимки», – решил Саша.

Пехота залег в кустах орешника, прямо возле вырубленной в чащобе просеки. Он находился на своем посту уже больше часа, чутко вслушиваясь в окружающие его звуки. Сырая, прошлогодняя еще листва была накрыта непромокаемой плащ-накидкой, и Саше было тепло и сухо. Он даже успел вздремнуть, правда, это был специфический сон. Пехота забывался на одну-две минуты, но мозг работал и во время этого кратковременного отдыха, четко анализируя и оценивая окружающую обстановку. Так спать Саша научился еще в армии, когда часами лежал в засаде, ожидая появления идущих в прорыв боевиков.

Сон, даже такой рваный и изматывающий, придал Саше сил. Он продолжал прислушиваться к окружающим его звукам леса. Тот жил своей обычной жизнью, ветер слегка шевелил ветви деревьев. Порой слышался тревожный крик ночной птицы, или монотонное уханье филина. Но вот появился далекий, похожий на стрекот кузнечика, шум двигателя. Отлично отлаженный автомобиль двигался сюда, и это могло означать лишь одно, Сеня большой ехал к своей заимке. Саша приготовился.

Сейчас следовало быть предельно внимательным и не нарушить заранее продуманный до мелочей распорядок действий. Вот и Мерседес, тот самый, на котором передвигается Сеня Большой. Раздавшийся перед самым авто взрыв был слабым, малой поражающей силы и был нужен лишь для того, чтобы посеять панику среди сидевших в салоне. Замысел удался, мало разбирающиеся в военном деле бандиты испугались, водитель рванул автомобиль назад. Тут же жажнул второй заряд, на сей раз, взрыв прогремел сзади Мерса. Авто оказалось отрезанным. Дверь Мерседеса распахнулась. Высокий костистый телохранитель авторитета выкатился на большак, сжимая в руках пистолет.

Саша среагировал мгновенно, по виду бандит был похож на Чучу, верного соратника и охранника авторитета. Пехота выстрелил, почти не целясь. Выбранный им для операции ТТ не подвел, долговязый дернулся всем телом и, не издав ни звука, рухнул наземь.

Второй головорез оказался хитрее. Невысокий толстяк был гораздо спортивнее своего товарища и показал неплохую боевую выучку. Выскочив наружу, он принялся палить из двух стволов, зажатых в разведенные в разные стороны руки. Он обязательно достал бы Пехоту, но хитрый Саша находился в укрытии и был готов к подобному повороту событий. Очень скоро бывший чемпион края по стендовой стрельбе пал, получив пулю в голову.

Расправившись и с Буйволом, Саша выстрелил по машине. Большой пальнул в ответ. Почти не целясь, он высадил в окружавшую его враждебную темноту всю обойму. Отлично разбирающийся в оружии Саша узнал по бою Берету. Сеня был дерьмовым воякой, посчитав выстрелы и не дав сопернику перезарядить пистолет, Саша стремительно покинул свое укрытие и в следующий момент рванул на себя дверь авто.

– Руки в гору! Из машины! – рявкнул Пехота.

– Мочи здесь! – Большой резанул Сашу острым, словно лезвие бритвы, взглядом.

Авторитет отлично понимал, кто перед ним, но не собирался унижаться и просить пощады.

– На выход! – Саша выстрелил в колено Большому и, что есть силы, рванул грузное тело бандита из салона авто.

Сеня неловко вывалился на дорогу.

– Встать! – Пехота, что есть силы, ударил Большого по лицу тяжелой рукоятью ТТ.

– И-х-х, – тяжело выдохнул авторитет и затих.

Пехота приложил два пальца к шее бандита. Так и есть, пульс отсутствовал, Семен не дышал. Большой был мертв. Тихонько матерясь, Саша поволок тяжелое обмякшее тело авторитета в чашу. Вот и огромный острый сук. Отходя от массивного, почти в два обхвата, ствола, короткий толстый сук уродливо торчал вверх, будто безобразная культя инвалида, выставленная на всеобщее обозрение.

Кряхтя от натуги, Саша приподнял грузное тело и, что есть силы, насадил его на крепкий острый сук. Тело дернулось и застыло. Голова трупа качнулась в сторону, выпученные почти вылезшие из орбит глаза смотрели прямо перед собой, словно не веря в то, что произошло минуту назад.

Фу! Ну и бугай! Покачиваясь от усталости, Саша двинулся к автомобилю. Сейчас он подожжет это роскошное чудо немецкого автопрома, и языки пламени очень скоро превратят величественный бандитский Мерс в кучу черных от копоти железок.

– Помогите, задыхаюсь, спасите...

Тонкий девичий голосок перемежался тихими всхлипами. Голос шел из багажника. Пехота открыл его, пленница была совсем плоха. Девушка теряла сознание от боли. Застывшая на лице страшная кровавая маска делала несчастную похожей на героиню фильмов ужасов.

– Кто ты? – Саша нагнулся над раненой.

– Зоя, – едва разлепляя спекшиеся от крови губы, произнесла девушка.

– Как же ты оказалась в этом багажнике?

– Они думали, что я умерла, и просто везли в лес мой труп. Большой, он забил меня почти до смерти, – девушка говорила медленно, сильно растягивая слова.

По опыту Пехота знал, что такое случается при тяжелом сотрясении мозга.

– Путана? – в голосе Саши послышались нотки презрения.

Не в силах вымолвить ни слова, девушка лишь утвердительно кивнула головой.

– Хлопот с тобой, – Пехота недовольно поморщился, взгляд его вновь остановился на разбитом в кровь лице девушки, – тебе не говорили, что Большой не только наркоша, но садист, каких мало?

– Нет, я здесь не так давно и еще не всех клиентов знаю в лицо...

– Эх, ты, дура набитая, – Пехота сплюнул на землю, – бабла заработать хотела?

Зоя молчала. Саша легко приподнял девушку на руки и, вытащив из багажника, уложил на землю. Сбросив с себя куртку, подложил ее под голову раненой.

– Больно? – участливо спросил он.

– Больно, – прошептала Зоя.

– Сейчас будет легче. В машине должна быть аптечка.

Саша пошарил в темном нутре салона. Аптечка отыскалась на заднем сидении. Кроме обязательных препаратов, тут была припасена пластиковая коробочка с ампулами сильнодействующего обезболивающего. Вероятно, бандиты держали их в машине на случай ранения.

– Сердечными хворьями не страдаешь? – поинтересовался Пехота у Зои.

– Нет.

Зоя с испугом смотрела, как Саша набрал в шприц лекарство.

– Что это?

– Не бойся. Сейчас будет лучше.

Пехота поднял с пола недопитую бандитами бутылку водки, плеснул ее содержимое на руку девушки и тут же сделал укол. Саше был хорошо известен этот препарат, подобными ампулами были снабжены аптечки бойцов спецподразделений. Лекарство подействовало почти мгновенно.

– Вроде отпускает, тело уже почти не болит, – Зоя слегка приподнялась на локте, – нужно бежать отсюда, – дрожа от страха, пролепетала она.

– Погоди маленько, осталось еще одно дельце.

Пехота быстро обыскал салон автомобиля. Под передним сиденьем лежал пластиковый пакет почти доверху набитый деньгами. Пятитысячные и тысячные купюры были аккуратно разложены по пачкам. Каждая пачка была снабжена маленькой аккуратной бумажкой.

«Автосалон, аптека, кинотеатр, рынок, хлебозавод, мастерская, бордель, торговый центр», – было написано на белых листках бумаги, просунутых по тугие резинки, которыми были схвачены купюры.

– Что это? Дань с подведомственных предприятий? Не успели завезти бабло в подконтрольный банк? – поинтересовался Пехота.

– Вроде того. Я села в машину к этим ублюдкам возле кабака, где те обедали. Большой хвастался, что собрал деньги с подкрышных терпил. Он и его дружки были очень довольны, на радостях выпили и поехали на хату, где они отдыхают. Там Сеня Большой шырнул, и избил меня почти до смерти. Если б не ты, меня уже не было бы.

Зоя благодарно тронула Пехоту за плечо.

– Ты так и не сказал, как тебя зовут, – тихо произнесла девушка.

– Александр.

– Лучше бы нам сейчас быть подальше от этих мест, Саша...

– Ты права, надо убираться отсюда, причем, немедленно. Сейчас ночь, нужно успеть, пока не начало светать.

– Куда же мы поедем? – поинтересовалась Зоя.

– Узнаешь в свое время, – бросил Пехота.

Подняв девушку на руки, он бережно усадил ее в автомобиль.

– Ну, двинули, Зоя.

Саша завел мотор и, аккуратно развернувшись, погнал авто обратно в сторону шоссе.

Глава 10

Алексей Иванович Крутько по кличке Дядя Леша, несмотря на свои семьдесят с гаком, был крепким жизнерадостным стариканом с круглым простоватым лицом, временами озаряемым доброй, слегка озорной улыбкой. Тот, кто в первый раз видел этого человека, никогда не признал бы в этом милом пенсионере коварного типа, державшего в страхе добрую половину бандитского контингента Красноуральского края. В облике дяди Леши был неприятным только жесткий немигающий взгляд, который временами прорывался сквозь напускную простоту и сильно менял облик милейшего старика. словно шило из мешка, вылезал этот взгляд из глаз, окруженных сеточкой старческих морщинок, и наводил ужас на тех, кому не повезло разозлить обладателя этих самых глаз.

Сегодняшним утром не повезло одному из подручных Дяди Леши. Бандит по кличке Свирид докладывал хозяину обстановку в городе. Дядя Леша слушал внимательно, лишь иногда прерывая докладчика энергичным взмахом короткопалой синей от многочисленных татуировок пятерни.

Один из таких взмахов прервал плавную речь Свирида на полуслове. Бандит как раз сообщал Дяде Леше об очередной удачной афере подконтрольного группировке банка, когда немигающий взгляд авторитета уперся ему в лоб, словно холодное дуло пистолета ТТ.

– О наших успехах я от тебя уже услышал. Ты лучше скажи мне, куда делся мой компаньон и кореш Сеня Большой?

Свирид замер. Лишь сегодня утром он узнал от одного своего осведомителя, что Большой и его верные соратники Чуча и Буйвол были найдены убитыми возле лесной заимки Семена. Осведомитель, один из сотрудников пригородной полиции, подробностей не знал, но сообщил, что тело Большого было найдено нанизанным на огромный дубовый сук. Убийство случилось еще третьего дня, но труп нашли лишь этим утром. Отправившийся по грибы житель близлежащей деревни наткнулся на мертвое тело Большого и тут же сообщил в полицию. Другой информации пока не поступало, во всяком случае, осведомитель Свирида молчал.

Дядя Леша искал Сеню Большого уже вторые сутки, и весть о гибели делового партнера крайне разозлила старика.

– Убили его, говоришь? – Дядя Леша поскреб прокуренным указательным пальцем плешивую макушку и вдруг, подскочив к Свириду, схватил того за воротник модной дорожной рубашки, – а почему его убили, мать твою?! Ты об этом подумал?! Подумал, я тебя спрашиваю?!

Он дернул подручного так, что тот едва устоял на ногах. Безжалостно оторванный воротник сорочки упал на идеально отполированный паркет кабинета с едва различимым ухом шелестом.

– Зря я тебя к себе приблизил. Дурак ты, Свиридушка, хоть и умным порой кажешься, – горько проговорил старик.

– Может, задолжал кому, вот с ним и разделались таким зверским способом? – неуверенно предположил Свирид, стараясь реабилитироваться в глазах хозяина.

– Задолжал?! – старик бросил на помощника полный пренебрежения взгляд. – Да если бы Большого на бабки ставили, его берегли бы, как зеницу ока. С мертвого какой навар? Деньги с живых получать надобно, а у Большого с баблом все в порядке было. Нет, тут что-то другое, и это другое угрожает нам самим, вот над чем нужно думать!

– Не вижу связи, при чем тут мы?! – удивился Свирид.

Он все еще не верил, что гнев старика прошел так быстро. Сейчас Дядя Леша вновь овладел собою. На лице его появилась знакомая всему криминальному миру края улыбка.

– При чем тут мы? – старик подал корпус вперед и взял Свирида за подбородок твердыми, словно стальные тиски пальцами, – предупреждение это нам. От пришлых это нам всем предупреждение. Маякнули они нам. Желают они «масть свою держать», а нас к себе под сапог загнать хотят, чтобы, значит, место свое мы знали. Всё об этом говорит. Ахмед, сынок его Шапи, Халил, – все они пришлые, а хотят хозяев края потеснить. Посмотри, что творится, все лакомые куски им достаются. Директоров золотиносных приисков, что пока еще под нами ходят, Ахмед с Шапи под свое крыло активно сманивают. Подконтрольные нам предприятия атакуют проверками из самой Москвы. Думаешь, кто эти наезды организывает?

Свирид задумался, в словах авторитета была определенная доля истины. По роду деятельности Свирид не был обычны «быком» и осуществлял, как он сам выражался, связь с общественностью. В обширной криминальной империи Дяди Леша были и выдающиеся хозяйственные деятели и умнейшие финансовые аналитики. Свирид, в миру, Эдуард Иванович Свиридов, был связующим звеном между воровской верхушкой группировки и ее мозговым центром, планировавшим и осуществлявшим хозяйственную деятельность преступного синдиката.

Когда-то успешный студент Красноградского института управления Эдик Свиридов попал в очень неприятную историю и в середине восьмидесятых получил срок за валютные махинации. Его сокурсники, куда активнее Эдика участвовавшие в незаконном обороте иностранных денег, прикрылись влиятельными родителями, а простолюдин Свиридов огреб, что называется, по полной.

В лагере Эдика попытались опустить тамошние урки, но Дядя Леша, будучи в то время смотрящим по зоне, пожалел парня и мигом отвалил беспредельщиков. После освобождения Эдика почти все друзья отвернулись от парня, меченого клеймом «зека», а институтское начальство отказало в праве восстановления на учебе. Трудоустроиться на приличное место не получилось, и Эдик стал работать грузчиком на плодоовощной базе.

Однако это продолжалось недолго, вскоре Эдика нашли и взяли к себе на службу люди Дяди Леша, а еще через несколько лет рухнула страна, которая вlepила Эдику срок за «валютку». Канули в лету завоевания и принципы «развитого социализма». Теперь бывшие однокашники, ставшие к этому времени деловыми людьми, искали расположения Эдика, сбивчиво прося того, взять над ними «силовое шефство». Забыв былые обиды, Свиридов никому не отказывал, подводя новоявленных бизнесменов под крепкую и надежную длань Дяди Леша.

Теперь Дядя Леша смотрел в глаза Свириду, а тот в который раз за свою жизнь поражался прозорливости своего наставника. Действительно, авторитет был, как всегда, прав. Наверняка, кто-то из чужаков нарушил хрупкий мир и перешел к военным действиям. Хоть Сеня Большой и был по разумению Свирида садистом, наркотом и изрядным говнюком, казнить его пришлые не имели права. Сеня был по другую сторону баррикад, принадлежал к коренным красноуральцам, и теперь их клан должен был отомстить противоположной стороне за убийство Большого.

– Предъявлять им будем? – затаив дыхание, спросил Эдик.

– Кому им? – Дядя Леша сделал вид, что не понял подручного.

– Кавказцам...

– Погоди предъявлять, выждать надо, Эдик, – Дядя Леша понизил голос и положил руку на плечо крестника, – посмотрим, что у других творится, смотайся к банкиру Ваньке Кумиди, он под Димой Красноуральским ходит. Взгляни, как у них дела идут?

– Понял, сделаю...

Эдик пулей выскочил из хозяйского кабинета и опрометью бросился вниз по широкой мраморной лестнице загородного особняка Дяди Леша. То, что шеф назвал его, Эдуарда Свиридова, по имени, свидетельствовало о крайней растерянности авторитета. И это было, настолько странно, что Свирид не сразу завел мотор своего шикарного Лексуса.

С минуту он размышлял о том, почему известие о гибели заурядного, по большому счету, бандита Сени Большого так расстроило его шефа. Так ни до чего и не додумавшись, Эдуард рванул авто с места и помчался в сторону виллы, которую занимал известный в крае финансовый воротила Иван Кумиди.

Сейчас, когда главарь преступного сообщества Дима Красноуральский лежал в клинике, сраженный сердечным приступом, на капитанский мостик временно заступил банкир, которому Дима доверял и считал того непревзойденным докой по части экономических афер.

Здоровье Димы пошатнулось еще несколько лет назад, когда тот отбывал очередной срок в Красноуральских лагерях. Но занемог Дима не от непосильной работы, или отвратительных условий содержания преступного элемента. Зона так и не дождалась своего арестанта. До лагерного барака Дима так и не добрался, предпочтя отдыхать в отдельном, специально построенном для подобного рода «постояльцев» коттедже. Насквозь прогнившее и коррумпированное лагерное руководство сдавало уютные домики внаем особенно богатым осужденным. Дима заманчивым предложением воспользовался и, наплевав на воровские законы, не стал полировать своей задницей барачную шконку.

Почти каждый день он получал изысканные ресторанные обеды, элитный алкоголь и принимал у себя самых искусных жриц платной любви. Все шло хорошо, но невоздержанность опаснее воздержания, и вот по окончании срока Дима слег с инфарктом миокарда. Сейчас авторитет лечился в закрытой клинике, а Кумиди пытался его замещать. Получалось не очень, Димины братва не хотела подчиняться барыге, ни разу не переступившего порога зоны.

Когда автомобиль Свирида остановился возле искусно выкованного витого забора, отделявшего владения Кумиди от остального мира, навстречу гостю вышел из сторожки лишь один охранник, невысокий коренастый малый по кличке Гнутый. Гнутый был сильно пьян и даже не пытался скрывать этого. Узнав Свирида, он лениво махнул ему рукой, едва не упав наземь от этого несложного телодвижения

– Здорово, братуха. – пробубнил Гнутый.

– Где хозяин? – спросил Эдик, имея в виду банкира.

Однако уркаган не понял его.

– Хозяин в больнице, болеет Диман наш. Сердечко у него, того, шалит «в полный рост».

Операцию «лепила» делать надумал, – лениво почесывая бритую макушку, важно отвечал Гнутый, состроив приличествующую моменту скорбную мину.

– Я про Кумиди спрашиваю, – нехотя пояснил Свирид. – Дома он?

– Кумиди-то? Ты, че, не знаешь што ль ничего? – длинно сплюнув наземь, поинтересовался Гнутый.

– О чем я должен знать? – мигом насторожился Свирид.

Скудоумие бандита выводило Эдика из себя, но выказывать свое недовольство Гнутому он не решался. Блатной имел крутой нрав и слыл настоящим забиякой. Интеллигент по происхождению, Эдик таких людей сторонился, и, чего греха таить, изрядно боялся. Поэтому он не стал лезть на рожон, а лишь, наклонившись поближе к низенькому урке Гнутому, спросил того проникновенным голосом:

– У вас что-то стряслось, брат? Я правильно понимаю?

– Стряслось, – подтвердил Гнутый, кивая стриженной под ноль башкой.

– Что же? – сдерживаясь из последних сил, поинтересовался Эдик.

– В дом канай, брат, там тебе объяснят, – заявил Гнутый.

Он пошатнулся, громко икнул и, насвистывая Мурку, двинулся обратно в сторожку, где его ждала недопитая бутылка водки.

Глава 11

– Где я?

Пехота обернулся, Зоя пришла в себя после долгого сна и теперь с удивлением осматривалась вокруг. Она лежала на низенькой шаткой кушетке «времен Очакова и покоренья Крыма», как любила говорить ее мама, простая сельская учительница, всю жизнь проработавшая в небольшой школе расположенной в забытой Богом красноуральской глубинке.

Зоя перевела взгляд на сидевшего за ноутбуком Сашу. Незнакомый крепкий мужчина расположился за стареньким обшарпанным столом. Прямо перед ним мерцал монитор. Лицо на мониторе дорогого компьютера было смутно знакомым. Надменный взгляд слегка прищуренных глаз и щеточки аккуратно подстриженных усов. Где-то она уже видела это порочное лицо, и полные губы сластолюбца, которые сейчас застыли в отстраненной фальшивой улыбке под черными, взметнувшимися вверх щеточками усов. Зоя закрыла глаза и откинулась на большую пуховую подушку.

Нет, этот холеный человек был ей хорошо знаком, она уже встречалась с этим типом в большом загородном доме, кованая ограда перед которым была красиво увита плющом. И вдруг память ожила, услужливо развернув перед ней четкую, ясную до последней черточки картину. Она, Зоя, в медсестринской шапочке и дурацком коротеньком халатике с красным крестом на кармашке, и он, холеный преуспевающий гаденько улыбающийся банкир Кумиди, овладевший ею и с наслаждением пользующей ее на полу своей роскошной спальни. Стиснув зубы от брезгливости и ненависти к этому постанывающему от удовольствия скоту, Зоя покорно молчит и ждет, когда любовный пыл Кумиди, наконец, иссякнет.

Ролевые игры в доме финансового воротилы, обманувшего половину края, не постеснявшегося отобрать последние крохи у поверивших ему пенсионеров и других простодушных жителей Красноуралья, что может быть гаже? А она, Зоя, проститутка, годная лишь на то, чтобы услаждать мерзких и похотливых животных, которые лишь называются людьми, но такими не являются...

Теперь она вспомнила все, и Сеню Большого, и пропахшее бензином тесное нутро багажника, в котором ее везли на убой в лес, и своего нечаянного спасителя, и их бегство из леса, и свою боль, которая теперь напоминает о себе все меньше...

Зоя пошевелила рукой, слегка тронула плотно перебинтованный лоб. Нет, боль еще не покинула ее измученное тело, но уже отпустила, потеряв свою страшную власть.

– Саша? – Зоя улыбнулась сидевшему за столом парню.

– Он самый, – парень улыбнулся в ответ.

Он подошел и сел на полу рядом с кушеткой.

– Сядь поближе, на краешек постели, иди ко мне, – позвала Зоя.

– Не могу, – парень усмехнулся, – кушетка просто развалится, она не выдержит нас обоих. Степановна будет ругаться и откажет мне от дома.

– «Откажет от дома» – так говорили в старинных романах, – улыбнулась Зоя, – а кто такая Степановна и почему она может выгнать тебя из твоей комнаты? – поинтересовалась она.

– Степановна – хозяйка дома, а я у нее комнатку эту снимаю. Кстати, именно Степановна помогла тебе залечить раны. Она в прошлом фронтовая медсестра. Ты здесь уже больше трех суток, и все это время старуха не отходила от тебя. Лишь час назад решила отдохнуть. Ты и вправду ничего не помнишь?

– Я помню все, что было до приезда сюда. Потом я потеряла сознание. Ты вколол мне какую-то дрянь, и я провалилась в небытие.

– Если б не эта «дрянь», ты могла бы умереть от болевого шока...

– Знаю, – Зоя указала пальцем на монитор компьютера, – это Иван Кумиди – гад еще тот. Ты тоже убьешь его, как и Сеню Большого?

– Послушай! – Пехота захлопнул крышку ноутбука, – не лезь в мои дела! Я не такой белый и пушистый, как тебе может показаться. Мои дела – это мои дела. Мы вместе, пока ты не задаешь слишком много вопросов. Будешь совать нос, куда не следует – вылетишь отсюда, как пробка из бутылки. За стенами этого дома тебя уже разыскивают твоя мамка-бандерша и пацаны Большого, с которым тебя видели не задолго до его гибели. . .

– Не говори о них, умоляю. Мне страшно. Я не буду лезть в твои дела, – покорно прошептала Зоя, – прости, если разозлила тебя. Ты действительно считаешь, что нам нужно держаться друг друга.

– Пока, да. Там посмотрим. . .

– Дружба киллера и проститутки. Чем не сюжет для плохонького детективчика, – горько усмехнулась девушка.

– Ты просто несносна!

Пехота вскочил со стула, сунул ноутбук в ящик стола и вышел в другую комнату, громко хлопнув дверью. Спустя полчаса Зоя услышала звук отъезжающей от дома машины. Серая неброская девятка резво набрала скорость и тут же пропала в сером, поднявшемся с дороги облаке пыли.

«Вот язва, навязалась на мою голову», – в сердцах бросил Пехота, внимательно следя за серой в глубоких трещинах лентой асфальта, быстро скрывавшейся под капотом его выдавшего виды авто.

Рассказов в своих рекомендациях упоминал об ужасающем состоянии здешних трасс, но Саша не представлял, что дела настолько плохи. Вся в рытвинах и выбоинах дорога походила на подвергнушуюся длительной бомбежке рокаду, а расплзавшийся под колесами асфальт, казалось, помнил еще отцов-первостроителей краевой столицы.

Наконец показалась дорога, ведущая к элитному дачному поселку «Сосны». Тут строители старались на славу. Ни рытвин, ни выбоин здесь не было. Асфальт трассы был ровным и гладким. А стоявшие вдоль пути следования авто высокие осветительные мачты были увенчаны большими мощными фонарями. Перед поворотом и въездом на охраняемую территорию поселка находился контрольно-пропускной пункт, оборудованный камерами слежения.

Пехота проехал вниз по шоссе и остановил машину рядом с большим безликим зданием загородного торгового центра со звучным названием «Империя». Данный гигант, ровно, как и вся сеть этих торговых центров, принадлежал уголовному авторитету по кличке Халил.

Перед бетонной громадой комплекса была разбита огромная автостоянка для покупателей, приехавших сюда на личном транспорте. Тут Пехота и оставил свою девятку и, оглядевшись по сторонам, принялся изучать обстановку. Обстановка Саше определенно нравилась. Сейчас в полдень народу в «Империи» было хоть отбавляй. За покупателями и праздношатающимися возле торгового центра зеваками никто не наблюдал. Сотрудники частной охранной фирмы, надзиравшие здесь за порядком, лениво обозначали свое присутствие, изредка прохаживаясь вдоль длинного ряда маленьких ларьков, магазинчиков и кафешек, прочно прилепившихся к громаде здания, словно мелкая рыбешка к телу огромного, неповоротливого кита. Тут же находились несколько остановок общественного транспорта. Автобусы и маршрутные такси уходили отсюда обратно в город, увозя в своем тесном душном чреве отоваривавшихся покупателей.

Деловитые мужички и проворные тетки, тащившие в обеих руках тяжеленные сумки и катившие перед собой набитые разной снедью тележки, заполнили все свободное пространство. Пехота ловко смешался с толпой и тут же покинул кишевшую людьми пешеходную зону. Он шмыгнул в сторону, незамеченный внимательным оком недреманной камеры слежения.

Пехота углубился в серую от придорожной пыли лесополосу и бодро зашагал в сторону коттеджей, в одном из которых проживал криминальный банкир Иван Кумиди. До высоченного металлического забора, окружавшего владения Кумиди, было несколько километров, но быстрый Саша преодолел эти километры, шутя. Он даже не перешел на бег, просто ускорил пружинистый походный шаг. И оказался возле дачи банкира менее чем через час.

Здесь уже начинался настоящий лес, частый сосновый бор, который банкир намеревался окультурить, превратив его со временем в некое подобие модных в Европе лесных парков с их заасфальтированными дорожками и аллеями. Проект был достаточно дорогостоящим и трудным по исполнению, поэтому Кумиди до сих пор не воплотил в жизнь свои замыслы, продолжая искать талантливого ландшафтного дизайнера и накапливая необходимые денежные средства, которые намеревался вытянуть из наивных вкладчиков.

Местные жители, не хотевшие лишаться части первозданного леса, взбунтовались против воли городского богатея. Но их митинг протеста был безжалостно разогнан, нескольких активистов оштрафовали за нарушение общественного порядка. С тех пор противодействия со стороны народных масс банкир не встречал и считал сосновый бор своей вотчиной.

Пехота остановился, теперь следовало дожидаться, пока стемнеет. Идти на штурм особняка в светлое время суток было бы безумием. Только ночь, только темнота были сейчас союзниками Пехоты. Удобно устроившись в тени раскидистых деревьев, Саша занялся изучением плана усадьбы, в который раз рассматривая детально сделанную выкопировку.

Вот и место, поименованное в плане Рассказова «зоной проникновения». Здесь брали свое начало каскады рукотворных прудов, предмета особой гордости хозяина. Небольшое, но необычайно шустрое водяное колесо без устали гнало воду по специальным желобам, наполнявшим искусно сделанные гранитные чаши. Чаши были стилизованы под старину и посечены тоненькими трещинами, по которым стелились бурые необычайно крепкие стебли «камнеродного чертополоха». Специально выписанные из Шотландии семена декоративного растения дали прекрасные всходы и вот теперь радовали хозяина колючими цветами ярко-алого цвета.

Садовник, он же постоянно находящийся в поисках новых творческих форм ландшафтный архитектор, восседал сейчас за небольшим пластиковым столиком. Нанятый Кумиди высокооплачиваемый специалист увлеченно изучал присланные «из-за кордона» красочные буклеты с изображением новомодных садово-парковых сооружений.

Пехота видел его довольно хорошо. Молодой холеный толстяк с надменным выражением лица был ясно различим в полевой бинокль, который Саша предусмотрительно захватил с собой. От нечего делать Пехота смотрел за толстяком-дизайнером еще около часа, потом, убедившись, что все спокойно, задремал. Сон Пехоты был, как всегда, чуток, и проснулся Саша точно в назначенное время. Наконец-то стемнело, ночь вступила в свои права.

Пора! Пехота бесшумно поднялся с ковра из пожухлых прошлогодних листьев и зигзагами побежал к ажурной искусно выкованной ограде, фрагменты которой были украшены вычурными вензелями с причудливо переплетавшимися меж собой буквами «И» и «К». Как любой уважающий себя нувориш Иван Кумиди выдумал себе предков-дворян и заказал столичным герольдистам фамильный вензель, коим и чванился теперь перед местным бизнес-бомондом.

По периметру забора были установлены камеры слежения, медленно крутившиеся вокруг своей оси. Выждав момент, когда глаз ближайшего видеоустройства повернулся в противоположную от него сторону, Саша подтянулся на руках и тренированным движением бросил тело вперед, за ограждение. Приземление было не слишком удачным, и Пехота сильно ударил руку об один из камней, декоративная горка из которых, красовалась перед каскадами прудов.

Саша осмотрелся, теперь у него есть несколько минут, пока телохранители банкира поднимутся по тревоге и примутся искать чужака, проникшего за охраняемый периметр участка.

В том, что его уже засекли, Пехота почти не сомневался. Камеры дублировали друг друга, и прошмыгнуть незамеченным было практически невозможно.

Саша вновь восстановил в памяти план земельного участка. Особняк банкира находился в отдалении, отсюда его было не видно. Пехота метнулся в сторону и, перекатившись по земле, кинулся за красивые, причудливо постриженные кусты, название которых Саша не знал. Первый из бодигардов появился раньше, чем можно было ожидать. Здоровенный бугай в серо-зеленой камуфляжной форме выскочил навстречу Пехоте и тут же бросился в атаку, выставив вперед большие, похожие на арбузы, кулачищи. Пехота отпрянул назад, подобного соперника он здесь увидеть не ожидал. По сведениям полковника, банкира охраняли уголовники Димы Красноуральского, но тот, кто атаковал сейчас Пехоту, явно имел отношение к элитным частям спецназа.

«Может, Кумиди, не рассчитывая на «быков» Димы Красноуральского, нанял себе настоящих специалистов своего дела?» – подумал Пехота. Это мысль, еда мелькнув в голове, тут же исчезла, нестерпимая боль заполнила собой все сознание, и Пехота едва осознал, что его ударили. Удар противника был настолько силен, что Саша на мгновение потерял сознание, а когда очнулся, осознал, что противник почти одержал верх. Охранник сидел на поверженном «возмутителе спокойствия» и методично наносил удары, целясь в кадык. Парень делал свое дело уверенно и хладнокровно, и очень удивился, когда Пехота собрал последние силы и плюнул в глаза своему мучителю.

– Ну, с-с-сука! – парень на секунду оставил Пехоту и потянулся утереться, это было его ошибкой.

Саша тут же перехватил инициативу. Мгновенно вывернувшись и, сбросив себя массивного охранника, Саша ударил того по ушам. Этот старый проверенный прием сработал на все сто процентов. По опыту Пехота знал, что синхронный удар кулаками в оба уха сразу производит мгновенный эффект контузии.

Так случилось и теперь. Охранник откинулся назад, взвыл от боли и попытался зажать уши, из которых тут же потекла кровь. В следующее мгновение Пехота уже вскочил на ноги и, оттолкнув в кусты обездвиженное тело противника, бросился вперед.

Теперь бежать предстояло через обширное поле для гольфа, сразу за которым высилась громада банкирского особняка. Пехота скользнул взглядом по выстроившимся в ряд электро-мобилям, на которых во время игры разъезжали гольфисты. Вскочив в один из них, Пехота повернул рычажок включения двигателя. Машина медленно двинулась вперед. Проехав с десятков метров, Саша пружинисто спрыгнул на землю и, достав из-за пояса ТТ, кинулся к дому. Часть охранников, банкира, находящаяся сейчас в особняке, палила по движущейся машине, полагая, что атакующие находятся именно в ней.

Другая часть телохранителей бросилась на улицу. Старательно прочесывая обширную территорию участка, цепь автоматчиков в темном камуфляже неуклонно удалялась от дома. Подсвечивая дорогу фонарями, люди упорно двигались вперед. По флангам цепи шли охранники с собаками. Сильные сторожевые псины, натянув длинные поводки, тащили за собой едва поспевавших за ними бойцов.

Саша всматривался в черную густоту ночи. Здесь, в Красноуралье, весной темнело рано и быстро, а непроглядность этой тьмы была сейчас на руку ему, дерзкому и расчетливому диверсанту, проникшему на охраняемый вражеский объект. Кумиди обладал отличной «армией» профессиональных секьюрити, но Пехота не боялся их. Саша был уверен в своем превосходстве, и эта уверенность придавала ему сил.

Пехота бесшумно крался вперед, навстречу своим противникам и совсем не удивился, когда навстречу ему выскочила огромная овчарка. Псина бросилась на Сашу и уже открыла пасть, готовая залиться победным лаем, когда лезвие клинка вошло ей под самое горло.

Собака громко взвыла и, захрипев, пала на передние лапы. Из раны хлестала кровь и, впитываясь в шкуру, так и оставалась на ней, быстро запекаясь бурым отвратительным панцирем. Охранник, бежавший вслед за собакой, немного отстал и когда догнал псину, едва не рухнул на землю вслед за своим питомцем. Громко ругаясь, он поднял на руки мертвую собаку, а, заметив глубокую рану на теле животного, пришел в неопишную ярость. Потерявший верного четвероного друга бодигард храбро бросился вперед, паля во все стороны из маленького короткоствольного автомата.

«Тебе хана, кем бы ты ни оказался!» – громко и зловеще бросил он, выпустив в темноту почти половину рожка.

Пехота усмехнулся, парень был не в меру горяч. Сейчас в нем била ключом злоба, а злоба плохой советчик и редко помогает в принятии правильных решений. Охранник промахнулся, Саша успел откатиться в сторону и, переждав натиск, начал действовать. Бросившись в ноги сопернику, он мгновенно свалил его на землю, а, повалив, нанес серию коротких точных ударов. Бил Саша грамотно и умело, два удара по глазам, еще несколько в кадык, и, наконец, последний, самый сильный – в темя. Похожий на контрольный выстрел удар наверняка вызовет у несчастного сотрясение мозга, а все вместе лишит врага возможности двигаться, на полчаса, а, может быть, и на час. Это уж как повезет.

Пехота вскочил на ноги и резво понесся к дому, сейчас нужно действовать быстро и нагло. От этого зависит успех операции, да и жизнь самого Саши тоже. Он влетел в шикарный холл и бросился вперед. Кувырок один, второй. Все это поможет уйти от пули, но никто не стрелял. Охраны не было, все бойцы вывалили на улицу. Наверное, Кумиди, имел в своем распоряжении не так много людей, и теперь Саша начал сомневаться в их профессионализме. Нет, людишки были, все же, так себе. Кто из опытных телохранителей бросает объект охраны, разве что, какие-нибудь необстрелянные сопляки.

Пехота ринулся на второй этаж, сжимая в руках добытый в бою короткоствольный Узи. Вот и массивная красного дерева дверь. За ней спальня банкира.

Саша саданул плечом во внушительное дверное полотно и тут же отскочил в сторону, но никто не стрелял. Пехота осмотрелся. Кричащая, безвкусная роскошь, сплошная позолота и круглый необычайных размеров траходром. больше похожий на цирковую арену, нежели на обычную кровать.

– Наверное, любишь секс сразу с несколькими девахами? – криво усмехнувшись, полюбопытствовал Пехота, наставляя ствол автомата на толстенького лысоватого блондина, пытавшегося спрятаться от Саши под одеялом.

Блондин не отвечал, он трясся всем своим желеобразным телом. Голова его вспотела, и редкие волосы торчали в разные стороны наподобие игл дикобраза.

– Н-не уб-б-ивайте, я оч-чень богат, – сильно заикаясь от страха, проговорил толстяк, – я заплачу, сколько скажете, – добавил он, громко всхлипывая.

– Ладно, не убью, – словно нехотя, согласился Пехота.

Он огляделся по сторонам и заметил светящийся экран ноутбука, стоявшего на изящном прикроватном столике.

– Комп – под мышку и вперед, на выход, – скомандовал он дрожащему от ужаса банкиру.

– Но я голый, – запротестовал, было, Кумиди.

Пехота не ответил, подойдя вплотную к Кумиди, он размахнулся и, что есть силы, врезал тому в подбородок. Затем, сорвав с кровати простыню, Саша кинул ею в банкира.

– Вот тебе, прикройся, тварь, – рывкнул Пехота.

– А-а-а-м-м-м, – вместо слов изо рта банкира вырывались лишь нечленораздельные звуки.

Кумиди здорово перепугался, и сейчас сделает для спасения своей шкуры все, что ему прикажут. Пехота понял, что банкир – трус, как, только увидел его фото, которое содержалось в

документах преданных Рассказовым. Саша читал людей, словно открытые книги, и уже уяснил, как добиться от банкира желаемого результата.

– Веди к твоей машине, говнюк! – продолжал командовать Пехота.

Побольше побоев, грубости и унижений. Такая манера поведения наиболее потребна в общении с подобными этому Кумиди субчиками....

Они выбрались через черный ход и проникли в расположенный в цокольном этаже гараж. В гараже дежурил еще один охранник, здоровенный детина в камуфляже. В руках детины помповое ружье смотрелось, словно спичка. Бугай, было, дернулся по направлению к Пехоте, но Саша лишь усмехнулся.

– Брось волюну. Еще одно движение и я убью твоего босса, усек?

Пехота больно ткнул в бок банкиру дулом автомата. Кумиди громко охнул.

– Ствол на пол! Ты не понял?!

В голоске Пехоты угрожающе зазвенел металл. Парень медленно положил на бетонный пол ружье и застыл и нерешительности.

– Руки за голову! Три шага к стене!

Охранник послушно исполнил приказание. Пехота заметил висевшую у него на поясе рацию, сильно рванул ее на себя и бросил в руки Кумиди.

– Хочешь остаться в живых делай, что я тебе велю!

– Сделаю все, что скажете, – послушно кивнул лысеющей головой увальень-банкир.

– Пошел!

Саша открыл дверь машины и буквально впихнул обмякшего от страха Кумиди в кабину.

– Скажи своим охранникам, чтобы выпустили нас из дома. Мы выезжаем на твоём автомобиле прямо сейчас, пусть нас не преследуют и не сообщают в полицию, увижу малейшие признаки погони, или слежки, – завалю тебя на месте, сразу завалю. Усек?

Кумиди поспешно закивал головой. В точности выполняя указания Пехоты, он с надеждой смотрел на своего мучителя. И от этой покорности Пехоте стало вдруг тошно и гадко. Он подавил желание еще раз врезать Кумиди в его мясистое, лоснящееся от обильного пота лицо и лишь несильно ткнул того в бок.

– Заводи агрегат и рули, мать твою, – приказал Саша.

Кумиди повиновался. Машина выехала из гаража и уже спустя пять минут покинула пределы элитного загородного поселка «Сосны». Пехота заставил банкира ехать дальше, в противоположную сторону от Краснограда.

– К-куда мы направляемся? – все еще заикаясь от страха, спросил банкир.

Пехота промолчал, вместо ответа он размахнулся и изо всех сил ударил-таки Кумиди в лицо. Банкир откинулся назад, дернувшись всем телом, он застыл. Из разбитого носа на жирную грудь медленно потекла тонкая струйка крови, банкир едва разлепил превратившиеся в кровавые лепешки губы:

– За что? – гнусаво пробормотал он.

– За то, что посмел открыть свою поганую варежку, – прорычал в ответ Саша.

Кумиди громко всхлипнул, но на сей раз, промолчал. Урок пошел в прок, больше банкир не разговаривал и послушно вел автомобиль вперед. Вскоре асфальт сменила проселочная дорога, а вдалеке замаячил густой непроходимый лес. Наконец авто добралось до опушки и плавно вкатилось под густую сень деревьев.

– Остановись, дальше не проедешь, пойдем пешком, – приказал Пехота.

Кумиди, крича и постоянно кутаясь в простынь, неуклюже выбрался из авто. Пехота последовал за ним.

– На, возьми, – Саша бросил к ногам банкира большой квадратный носовой платок, – смочи его в бензине и запали свой драндулет. Больше он тебе не понадобится.

Кумиди, тяжело, с присвистом дыша, старательно выполнил указание. Саша же, дождавшись, когда шикарное авто вспыхнет сизым пламенем, вздохнул глубоко и свободно. Основная часть операции прошла успешно, и дальше все будет в лучшем виде. В этом Пехота был уверен.

– Теперь уходим в лес, – вновь начал отдавать указания Пехота.

Кумиди понуро повесил голову и шагнул по направлению к чаще. Саша достал из кармана компас и сверился с ним. Теперь нужно идти строго на север. Километров восемь, или даже все десять. Там расположен старый, еще времен войны, бункер войск НКВД, о котором упоминал Рассказов в своих бумагах. Отныне криминальный банкир Кумиди будет находиться там, пока не выполнит задачу, которую перед ним поставят. А поставят ее очень скоро, и задача эта будет не простой.

Глава 12

Старенький рейсовый автобус «Красноград-Расплетино» остановился возле металлического столба с подслеповатой омытой дождями табличкой расписания.

– Конечная, – буркнул пожилой седоусый водитель в замасленной телогрейке.

Немногочисленные пассажиры, вышедшие из автобуса и без слов шофера знали, что дальше раздолбанный ПАЗик не поедет. Сейчас он развернется и, надсадно кашляя и чихая, потащится обратно в столицу Красноуральского края, откуда и отправился без малого три часа назад.

Кроме Сергея Воронова из салона неспешно выбрались две старушонки, ездившие в город за бесплатным лекарством, и молодая женщина с большой хозяйственной сумкой в руках.

– Вам помочь? – Сергей забросил за спину свой брезентовый рюкзак и принял из рук женщины тяжеленную сумку с продуктами.

– Ой, спасибо, – женщина благодарно посмотрела на недавнего попутчика, – а я что-то вас не припомню. Вы не местный? Я вроде всех здесь знаю. Хотя, в последнее время и чужаков хватает.

– Не любите чужаков? – усмехнулся Сергей.

– А чего их любить? – от былого расположения женщины не осталась и следа, – все ездят, все вынюхивают, все землю нашу заграбастать хотят. Приедут на джипах своих чертовых и начинают тут шнырять. Председатель-то наш в том году умер, а новый, тот, что из города прислали, под их дудку пляшет. Небось, уж все угоды распродал, чего ему? Он-то здесь человек временный.

– Председателей теперь нет, есть главы поселковых администраций. Да и я не на джипе сюда прибыл, – невесело усмехнулся Сергей, – мне ваши земли не нужны. У меня здесь и так надел имеется. Две могилы на местном погосте. Мать с отцом тут похоронены. Я к ним из города приехал, давно не был все дела, дела...

– Ой, извините меня, – женщина всплеснула руками, – я не со зла, поверьте.

– Ничего, – Сергей донес сумку до маленького аккуратного домика с черепичной крышей и, кивнув на прощание, двинулся в сторону кладбища.

Последний раз он был тут полгода назад и теперь испытывал жгучее чувство вины за свое долгое отсутствие. Наверняка, могилы родителей в запустении, да оно и понятно, кому за ними смотреть. Родственников нет, знакомых тоже, кто уехал, а кто и сам лег тут же на этом же деревенском погосте.

Прошла зима, сошел снег, настала весна, скоро будет лето, а он все крутится, как белка в колесе, ничего не успевая и откладывая все на потом. Как быстротечно время! Казалось бы, еще вчера он закончил расплетинскую школу, отслужил срочную и, окончив красноградский юрфак, надел погоны лейтенанта милиции. Все это было так недавно, а прошло-то уж двадцать лет. Пролетели годы, словно пули из пистолета Макарова, табельного оружия майора полиции Сергея Воронова, одинокого сорокапятилетнего человека, уставшего от жизни и той муторной безнадеги, от которой порой хочется удавиться.

Стараясь прогнать грустные мысли, Сергей дошел до крашеного в синий цвет деревянного забора. Дальше погост, за ним маленькая заброшенная церквушка, в которой он мальчишкой играл с друзьями в войну. Где же теперь его школьные друзья? Он даже не помнит их лиц, и фамилии сверстников тоже стерлись из памяти. Нет, все-таки это было очень давно, в той другой стране, которой больше уже не существовало.

Сергей прошел вдоль редкого строя березок и вышел к родительской могиле, переступив оградку, уселся на маленькую лавочку, которую сам сколотил год назад. Развязав рюкзак, достал оттуда железную щетку, банку с краской и кисточку.

– Мам, пап, здравствуйте. Это я, ваш сын Сережа. Простите, что давно не был.

Сергей глянул на поблекшие фото на памятниках. Эти надгробные плиты он привез из Краснограда и самолично установил на могилки. Отец смотрит на сына строго и вместе с тем снисходительно, словно на не выучившего урок двоечника. Мол, что с тебя взять, спасибо, что хоть теперь пришел. Сергей живо представил себе этот взгляд. Он очень хорошо помнил, как отец смотрел на нерадивых учеников, к коим причислял и собственного сына.

«Ты можешь не знать истории, или географии, не любить литературу. Плевать на биологию и химию, это делает тебя малообразованным и ограниченным типом. Но, математика! – тут Воронов – старший поднимал вверх узловатый указательный палец, – но не знать математики преступно! Тем более, когда этот предмет ведет твой родной отец! Что я за учитель, если не могу объяснить простейшую задачку собственному сыну? Как же я смогу учить остальных? Нет, Сергей, ты должен быть на голову выше своих товарищей».

Да, папа был строг, Сергей перевел взгляд на мамино фото. Мама смотрела на сына ласково и виновато, словно, прося прощение за свой ранний уход. Она умерла первой. Отец пережил мать на год и ушел вслед за ней. Обоим не было и шестидесяти. Сердечные хвори! От них по статистике умирают чаще всего.

Сергей вздохнул и, засучив рукава рубашки, взялся за щетку, намереваясь зачистить оградку от ржавчины. Но что это? Сергей зажмурился и вновь открыл глаза. Как же он сразу не заметил? Оградка была аккуратно окрашена темно-зеленой краской, да и холмик могилки был чисто убран от старой перепрелой листвы. Он достал из рюкзака пластиковую бутылку с водой и тряпку и принялся тщательно протирать памятники.

– Бог в помощь, – услышал он за спиной.

Сергей резко обернулся, прямо за ним стоял невысокий человек в длинной почти до пят рясе. На груди священника в ярких лучах весеннего солнца переливисто серебрился крест, длинные с редкой еще проседью волосы были расчесаны на прямой пробор, широко посаженные умные глаза смотрели на Сергея с участием и скорбью.

– Кто вы? – не очень вежливо осведомился Сергей.

– Отец Иван, я настоятель местного храма, – священник указал рукой на стоящую за погостом церквушку, – в храме еще не закончены ремонтные работы, но службы уже проходят.

– Скажите, пожалуйста, – Сергей удивленно уставился на отца Ивана, – а я-то думал, что церковь в запустении, а тут уже и работы ведутся. За чей же, интересно, счет? Уж не нувориши ли, что из города наезжают, на работы восстановительные скинулись?

– Зачем вы так? – отец Иван грустно улыбнулся. – Сейчас действует программа по восстановлению малых приходов. Часть средств дали из Патриархии, часть собрали прихожане. Пожертвования от лиц с сомнительной репутацией мы не принимаем, грязными деньгами благочинному делу не поможешь.

Священник повернулся и двинулся по направлению к церквушке. Сергею стало стыдно, и он бросился за ним.

– Простите меня, отец Иван, – Сергей смущенно развел руками, – не ведаю, что творю. Устал, замотался, сдуру всякую чушь несу.

– Бог простит, – отец Иван остановился и вновь повернулся к Сергею.

– А кто за могилками ухаживал? – Сергей указал рукой на окрашенную оградку.

– Ваши родители в школе местной учительствовали, вот мы с ребятами, нынешними учениками, и взяли над этими могилами шефство. Ведь память об ушедших необходима, прежде всего, живым. Не так ли? – отец Иван смотрел на Сергея печально, – память – это то, чем и живет человек. Без прошлого не будет ни настоящего, ни будущего. Я вас, Сергей, отлично

помню. Вы были в десятом, а я пришел в первый класс. Помните, вы, старшеклассники, нас, первоклашек, еще за ручки в здание школы провели? Первого сентября дело-то было. Ваш отец у нас классным руководителем был. Не припоминаете?

– Нет, не помню, – Сергей сокрушенно покачал головой.

– Ну, ничего, Бог даст, вспомните, – улыбнулся священник. – Вы меня извините, Сергей, вы к родителям пришли, а я вас отвлек.

– Что вы, – Сергей замахал руками, – я с вами поговорил, на душе легче стало.

Они не заметили, как вышли на проселочную дорогу. Вдалеке показался черный джип. Подвывая и выплевывая из-под колес фонтанчики грязи, тяжелая мощная машина, резко затормозила возле поворота. Сергей и отец Иван еле успели отскочить в сторону, едва не оказавшись под колесами навороченного авто.

– Здравствуйтесь вам, господа крестьяне, – из машины выбрался водитель, коренастый молодчик с выбритой наголо головой и круглым веснушчатым лицом, – где тут местный глава администрации обретается?

– Зачем он вам? – поинтересовался священник, – если вы интересуетесь участками крестьян, то я могу вас информировать о том, что собирался сельский сход...

– Кто собирался? – на лице молодчика появился живой интерес, – сельский сход? Это, что у вас, деревенских, так сходняк именуется?

Парень заржал очень довольный своей шуткой.

– А, ну-ка, хватит гоготать! Садись обратно за руль!

Вслед за водителем из кабины показался сухощавый блондин в дорогом, явно сшитом на заказ костюме.

– Я помощник Олега Львовича Панкратова, видного в крае бизнесмена, – блондин обворожительно улыбнулся, – меня зовут Тимофей Жуков, я считаю, что местным жителям очень повезло. Такой влиятельный человек намерен купить здесь земли. Панкратов построит тут элитный поселок. Коттеджи богатых людей будут нуждаться в обслуживании. Появятся новые рабочие места для местных жителей. Кроме того, Олег Львович оплатит строительство новой скоростной трассы до Краснограда. К вам будут быстрее добираться рейсовые автобусы и машины «Скорой Помощи». Поможем вам и с реставрацией церкви. Обращаюсь, прежде всего, к вам, отец Иван, вы человек рассудительный, вразумите местное население. Пусть селяне не противятся воле Панкратова и побыстрее продают свои наделы и паи. Им построят многоквартирный дом со всеми удобствами. Когда они еще перебрались в удобные квартиры из своих лачуг?

– Люди не верят вам, – священник смотрел прямо в глаза Жукову, – ни вам, ни вашему хозяину.

– Да?! – блондин поправил узел дорогого галстука и пригладил рукой взлохмаченные ветром волосенки, – ну что ж, как говорится, была бы честь предложена.

Он, словно уж, быстро проскользнул обратно в салон авто и махнул рукой сидевшему за рулем крепьшу.

– Жми на газ, Клепа, с этими олухами каши не сваришь, – донесся из окна его рассерженный голос.

Взревев мотором, джип резко рванул вперед, обдав дорожной грязью стоявших на обочине людей.

– Эти шутить не будут, – Сергей вытер рукавом рубашки испачканное лицо, – всю лужу на нас выплеснул, сволочь.

– От такой грязи избавиться недолго, умылся, и все, – усмехнулся священник, – душевную скверну изжить тяжелее. Пойдемте, Сергей, ко мне, я живу рядом с храмом. Там и умоемся, и подкрепимся, чем Бог послал.

– Спасибо, времени мало, скоро автобус будет, в город возвращаться пора. На службу завтра.

– Что ж, воля ваша, не смею задерживать, доброй дороги – священник повернулся уходить.

– Отец Иван, – Сергей замялся, – вы этих людей поостереглись бы. Управы на них практически нет. Я знаю, что говорю, сам в полиции служу. У этих гадов все схвачено, ничего не сделаешь, такова жизнь.

– Жизнь такова, каковой мы ее делаем, и каждому воздастся по делом его. Всего доброго, Сергей, – отец Иван пошел по направлению к церкви.

Сергей долго смотрел ему вслед. Дождавшись, когда маленькая фигурка в черной рясе скрылась из виду, Сергей повернулся и двинулся в противоположную сторону, к автобусной остановке. Возле поворота его вновь обогнал черный джип Тимофея Жукова. Сквозь забрызганное грязью стекло авто Сергей смог рассмотреть злобную физиономию водителя, которого Жуков именовал Клепа.

Из колымского белого ада

Шли мы в зону в холодном дыму

Я увидел окурочек в красной помаде.

И рванулся из строя к нему, – доносился из кабины хриплый голос певца, усиленный динамиками аудиосистемы.

Глава 13

– Беда, Кумиди – кошелька нашего. Того, умыкнули, – с этими словами в «охотничью залу», расположенную на первом этаже особняка Дяди Леша, влетел раскрасневшийся от быстрого бега Эдик Свиридов.

Хозяин дома обедал в своем любимом кабинете, стены которого были увешаны охотничьими трофеями, добытыми Дядей Лешей в разные этапы его богатой событиями жизни. Здесь были представлены с десятков голов несчастных животных, которых угораздило попасть на мушку к «законнику». Обрамленные в изысканные, ценных пород дерева массивные овалы со стен печально взирали на мир головы оленей, кабанов, волка и даже занесенного в красную книгу уссурийского тигра. Зловещего вида чучело медведя с поднятыми вверх массивными передними лапищами было водружено на специальный мраморный постамент и находилось в специально сделанной для этого стеной нише. Всем своим видом бурый хищник показывал, что, задрвав лапы, капитулирует перед отвагой, которую противопоставил его звериной силище человек по кличке Дядя Леша.

С еще одним экспонатом этой странной галереи была связана легенда, из уст в уста передаваемая криминальным контингентом всего Красноуральского края. Жуткая байка гласила, мол, волчья голова, ощерившаяся со стены Дяди Лешино кабинета, принадлежит тому самому «серому», которого голыми руками завалил хозяин дома, когда совершал побег из колонии, где отбывал один из своих многочисленных сроков.

Такой случай действительно имел место быть. Однажды, в молодые годы, будущий авторитет действительно убил волка, который напал на него во время «отрыва» из лагеря, но не голыми руками, а воровским пером, которое молодой уркаган неизменно носил за голенищем сапога. Понятное дело, тот волк так и остался лежать мертвым в таежной чащобе, а его место в музее охотничьих трофеев занял совсем другой, убитый на охоте гораздо позднее и более прозаичным способом.

Сам авторитет гордо именовал свой «зоо-музей» помпезным старорежимным словом «зала», и никто из ходивших под ним бандитов не имел права нарушать раз и навсегда установленный ритуал принятия пищи, который почти всегда происходил в этой самой «зале». Дядя Леша вкушал долго и со знанием дела. Обед авторитета неизменно состоял из полноценных трех блюд, а прислуживавшая хозяину деваха была одета в строгое черное платье и белый накрахмаленный до состояния пуленепробиваемого жилета передник. Таких служанок Дядя Леша лицезрел в старых советских фильмах, которые он очень любил.

То, что Эдик нахально ввалился в «залу», нарушив установленные раз и навсегда правила, заставило авторитета подавиться куском сочного бифштекса с жареным луком.

Дядя Леша сильно закашлялся, а стоявшая рядом лупоглазая деревенская девка в накрахмаленном переднике принялась хлопать его по спине со словами: «Ох, барин, ох, кормилец ты наш». Время от времени она бросала гневные взгляды на возмутителя спокойствия, так бессовестно нарушившего своим дерзким появлением хозяйскую трапезу. Однако Эдик на взгляды девки не отреагировал, а вместо извинений грубо вытолкнул прислужницу из «залы» и присел на низенький мягкий пуфик, стоявший чуть поодаль от массивного обеденного стола.

– Кумиди похитили, – Эдик оглянулся по сторонам и понизил голос до шипящего шепота, – я с начальником его охраны час назад беседовал, – скороговоркой, путая и глотая окончания слов, доложил он.

– Не части, толком говори, что там у них стряслось, – отбросив в сторону вилку и отодвинув к середине стола тарелку с недоеденным мясом, потребовал авторитет.

Дядя Леша старался говорить спокойно, но это спокойствие давалось ему с большим трудом. Кумиди слишком много значил. Банкир был тайным кошельком не только для одной Дяди

Лешиной империи, «денежной мешок» заведовал капиталами союзных авторитету преступных сообществ. И упокоившийся недавно Сеня Большой, и хворавший нынче Диман Касноуральский, все они были кровно заинтересованы в сохранности криминального финансиста. Кому выгодно было похитить, или даже устранить банкира? Да тут и думать нечего. Во всем виноваты пришлые! Кавказцы Джимаевы и примкнувший к их клану Халил сотоварищи. Теперь сомнений не осталось! Это пришлые решились нарушить хрупкое перемирие! Это им было выгодно обескровить и лишить силы прямых конкурентов, коренных хозяев края и краевого центра!

– Ночью на дом Кумиди совершили налет неизвестные, – докладывал тем временем Свирид.

– Сколько их было? – тут же поинтересовался Дядя Леша.

– Охранники видели лишь одного, но, по всему видать, их было больше...

– Кавказцы?

– Тот, кого видели они, был славянином и говорил по-русски без всякого акцента.

– Могли нанять...

– Не исключено, однако...

Свирид запнулся.

– Что, «однако»? – поторопил его авторитет.

– Однако, охрана Кумиди видела всего одного боевика, и он был русским, – развел руками Свирид.

– Что с того?! – Дядя Леша жажнул по столу твердым, словно деревяшка кулаком, – может те, кого они не видели, были кавказцами, а этот русский боевик был специально подставлен нам, чтобы мы все пересрались меж собой и поперли по ложному пути. Ты в корень зри, Свирид! Смотри, как говорили древние, «кому это выгодно»...

– Ну и кому же?

– Пришлым, вот кому! – Дядя Леша скрипнул зубами от накатившей на него ярости, – это они валят наших людей. Сначала «вывели из оборота» Сеню Большого, теперь «сколупнули» Кумиди, польстились на наши бабки. Их людей никто не валит, на их капиталы никто не покушается...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.